УЧЕНІЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

О СМЫСЛѢ ЖИЗНИ

ПО СУДУ ХРИСТІАНСТВА.

СВЯЩЕННИКА
О. П. Преображенскаго.

МОСКВА.
Тип-литографія И. Е. Ермакова, Пятницкая ул., соб. д.
1898.

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/uchenieIntolstog01preo

УЧЕНІЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

О СМЫСЛѢ ЖИЗНИ

ПО СУДУ ХРИСТІАНСТВА.

СВЯЩЕННИКА

Є. П. Преображенскаго.

МОСКВА.

Типо-литографія И. Е Ермакова, Пятницкая ул., соб. д.

1898.

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, 23 марта, 1898 г.

Цензоръ Священникъ *Григорій Дьяченко.*

891.73
T654ZP

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Толки о. Л. Толстомъ въ литературѣ и обществѣ. Задача статьи. . . . . 1— 5

Ученіе Л. Н. Толстого о вѣрѣ, любви и безсмертіи. Критическія замѣчанія. . . . . 6—29

Христіанское ученіе объ истинномъ смыслѣ жизни. Вѣра во Христа, какъ основа истинной жизни. Любовь къ Богу и ближнимъ и вытекающія отсюда задачи личнаго совершенствованія и связаннаго съ нимъ служенія общественному благу. Нѣсколько словъ о свойствахъ христіанской любви. Христіанство и нравственный прогрессъ. Христіанство и счастье. Христіанство и смерть . . . . . 30—60

Общая характеристика нравственныхъ воззрѣній Л. Толстого. Заключеніе . . . . . 61—71

580994

Послѣдніе годы истекающаго столѣтія въ жизни русскаго общества будутъ отмѣчены въ его исторіи, какъ время особеннаго оживленія и усиленнаго подъема интересовъ къ нравственнымъ вопросамъ. Это съ несомнѣнностію доказывается фактомъ, которому трудно указать примѣръ въ прошломъ,—того напряженнаго, можно—сказать, лихорадочнаго вниманія, съ какимъ русское общество встрѣчало все, что выходило за послѣднее время изъ подъ пера его любимаго писателя, который, разочаровавшись въ плодотворности своего блестящаго служенія художника, перемѣнилъ его на громкую и отвѣтственную роль обличителя личной и общественной неправды и проповѣдника нравственнаго обновленія. Л. Толстой сдѣлался центромъ критики и общественнаго вниманія. О его нравственно - соціальныхъ воззрѣніяхъ говорили всюду: въ гостинныхъ, ученыхъ обществахъ, литературныхъ кружкахъ, среди молодежи, въ легкой прессѣ, на страницахъ серьезныхъ свѣтскихъ и духовныхъ журналовъ. Маленькія брошюры и толстыя книги, отдѣльныя летучія замѣтки

580994

и серьезныя изслѣдованія, церковныя проповѣди, публичныя лекціи, цѣлыя диссертаціи на ученую степень — все это составило бы не малую библіотеку, какъ плодъ того умственнаго и нравственнаго возбужденія, отвѣтить потребностямъ котораго обязана была духовная и свѣтская, ученая и литературная критика. Разнообразны тѣ впечатлѣнія, какія произвели въ русскомъ обществѣ проповѣдническіе экскурсы новаго моралиста. Одни, въ восторженномъ туманѣ увлеченія обаятельнымъ именемъ любимаго писателя-художника, рукоплесканіями привѣтствовали его въ новой роли обличителя личной и общественной неправды: учи насъ, великій учитель, учи—слова, исключающія заранѣе всякую критику, слова рабскаго поклоненія ума, неспособнаго къ критикѣ. Другіе едва ли не съ глумленіемъ отнеслись къ попыткамъ русскаго писателя предложить русскому обществу задуматься надъ нѣкоторыми вопросами, стоящими выше низменныхъ и практическихъ интересовъ обыденной жизни; въ его попыткахъ поставить вѣчные вопросы во всей ихъ неотразимости для мыслящаго человѣка они не видѣли ничего кромѣ чудачества и психопатства и проливали слезы о гибели для общества и литературы художника, который превратился въ публициста и моралиста. Но въ этой близорукой оцѣнкѣ скрывается глухое внутреннее недовольство ума и сердца, нравственный сонъ

которыхъ былъ такъ неожиданно обезпокоенъ и прерванъ смѣлымъ призывомъ къ нравственному пробужденію. Третьи съ вполнѣ понятной и естественной досадой, которая у однихъ сопровождалась чувствомъ жалости къ заблуждающемуся писателю, а у другихъ переходила въ прямое озлобленіе противъ разрушителя христіанскихъ вѣрованій,—съ чувствомъ понятной тревоги и боязни за цѣлость христіанской вѣры въ сердцахъ маловѣрующихъ и колеблющихся слѣдили за разрушительнымъ процессомъ, какой производилъ надъ завѣтными и дорогими христіанскими убѣжденіями послѣдовательный анализъ несчастнаго писателя. Но и для нихъ открывалась серьезная необходимость дать отчетъ въ своемъ упованіи, провѣрить цѣлостность своихъ религіозныхъ убѣжденій, чтобы смѣло противостоять нападкамъ на вѣру и Церковь, какія теперь со словъ Л. Толстого часто услышишь со всѣхъ сторонъ отъ неумѣренныхъ его поклонниковъ. Наконецъ, люди, которыхъ Л. Толстой называетъ людьми „своего круга“, люди, для которыхъ изъ-за субъективной обстановки личной жизни писателя въ его исповѣди развертывается печальная исторія ихъ собственныхъ увлеченій, которая рано или поздно закончится такой же духовной катастрофой, — эти люди съ жаждой истины бросились къ новому ученію, но увы—свободные отъ самомнѣнія и горделивой увѣренности своего учи-

теля въ открытіи новаго смысла жизни, безъ особеннаго напряженія критики увидѣли въ ученіи учителя старыя ошибки, старыя увлеченія,—идеалы, съ которыми душно жить мыслящему человѣку.

Однимъ словомъ, никто не остался равнодушнымъ. Всѣ были задѣты за живое и смѣлостію и рѣзкостію обличеній безпощадной критики современной жизни и современнаго строя, и важностію и неотразимостію поставленныхъ личной и общественной совѣсти вопросовъ, и горделивой и самоувѣренной претензіей открыть истинный смыслъ человѣческой жизни, какъ залогъ истинной жизни на землѣ. Этимъ временемъ такого напряженнаго интереса къ нравственнымъ вопросамъ, когда большинство находятся на распутьи, не зная куда идти, когда поэтому съ жадностію выслушивается всякое живое слово, одушевленное силою убѣжденія, необходимо воспользоваться всѣмъ друзьямъ истиннаго христіанства и въ отвѣтъ на возбужденную потребность нравственнаго обновленія придти съ живою проповѣдью истинно-христіанскихъ идеаловъ во всей ихъ безпримѣсной чистотѣ и неподражаемомъ величіи. Это будетъ лучшей критикой той удивительной поддѣлки христіанскаго ученія, какую съ такою самоувѣренностію Л. Толстой предлагаетъ людямъ, какъ чистую жемчужину христіанства, и лучшимъ отвѣтомъ на запросы общества. Слабую

и посильную попытку въ этомъ отношеніи имѣетъ задачей наше настоящее чтеніе. Изъ всѣхъ вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ послѣдовательно работалъ Л. Толстой, мы выбираемъ общій вопросъ о смыслѣ жизни, какъ такой, изъ котораго психологически вышли всѣ его нравственныя воззрѣнія. По собственному признанію Л. Толстого, онъ всегда особенно мучился вопросомъ о смыслѣ жизни. „Мой вѣчный, единственный для меня важный вопросъ: зачѣмъ я живу“,—говоритъ онъ. „Безъ знанія того, что я такое и зачѣмъ я здѣсь — нельзя жить“,—говоритъ онъ устами Левина. Всѣ вопросы сводились для него къ вопросу: „есть ли въ жизни такой смыслъ, который не уничтожался бы неизбѣжно предстоящею смертію?“ Послѣ долгихъ и мучительныхъ поисковъ истиннаго смысла жизни, о которыхъ онъ разсказываетъ съ искреннею откровенностію въ своей Исповѣди, Л. Толстой наконецъ успокоивается, найдя, по его мнѣнію, истинный смыслъ жизни, истинный отвѣтъ на мучившіе его вопросы въ ученіи Христа. Для насъ является необходимость разсмотрѣть основныя черты его ученія и затѣмъ сравнить ихъ съ истинно-христіанскими идеалами, насколько можно ихъ разсмотрѣть въ краткомъ очеркѣ. Все это дастъ намъ данныя для оцѣнки нравственной философіи Л. Толстого и ея значенія для современной мысли и современнаго общества.

I.

Послѣ долгихъ и мучительныхъ поисковъ за истиннымъ смысломъ жизни, который не уничтожался бы неизбѣжно предстоящею смертію, потерявши вѣру въ науку, прогрессъ, и въ смыслъ всякой жизни, Л. Толстой наконецъ пришелъ къ убѣжденію, что только вѣра и религія могутъ дать устойчивыя основы жизни. „Вѣра есть знаніе смысла человѣческой жизни. Вѣра есть сила жизни. Безъ вѣры жить немыслимо. Сущность всякой религіи состоитъ въ отвѣтѣ, зачѣмъ я живу. Человѣкъ безъ религіи также невозможенъ, какъ и человѣкъ безъ сердца. Онъ можетъ не знать того, что у него есть религія, какъ можетъ человѣкъ незнать того, что у него есть сердце, но какъ безъ религіи, такъ и безъ сердца человѣкъ не можетъ существовать. Нравственность происходитъ отъ религіи. Попытки основать нравственность помимо религіи подобны тому, что дѣлаютъ дѣти, которыя, желая пересадить нравящееся имъ растеніе, отрываютъ отъ него не нравящійся имъ и кажущійся имъ лишнимъ корень и безъ корня втыкаютъ растеніе въ землю. Безъ религіозной основы не можетъ быть никакой настоящей, не-

притворной нравственности, точно также, какъ безъ корня не можетъ быть настоящаго растенія". Смыслъ этихъ вообще прекрасныхъ разсужденій Л. Толстого, къ сожалѣнію, разрушается дальнѣйшими опредѣленіями его вѣры. Онъ нигдѣ не говоритъ ясно и опредѣленно, такъ чтобы не вызывалось сомнѣній, о вѣрѣ въ Бога. То это вѣра „въ безконечный смыслъ жизни", то это вѣра въ „жизнь", то это вѣра во „что-то, что мы называемъ Богомъ", то это вѣра въ „высшую волю", то это вѣра въ то, что „нужно жить лучше". Въ иныхъ мѣстахъ это вѣра „въ высшій разумъ", вѣра есть „разумѣніе жизни". „Богъ есть то, безъ чего жить нельзя. Знать Бога и жить одно и тоже. Богъ есть жизнь. Жизнь есть служеніе высшей волѣ, посылающей человѣка въ міръ". Изъ всѣхъ этихъ двусмысленныхъ и неопредѣленныхъ выраженій можно вывести только одинъ существенный выводъ для ученія Л. Толстого. Онъ не признаетъ Бога, какъ личное Существо. Такое ученіе о Богѣ онъ признаетъ за грубое заблужденіе, какъ равно и ученіе о личномъ безсмертіи, для котораго онъ не скупится на рѣзкія выраженія. Не признавая Бога какъ личное Существо, Л. Толстой не только отрицаетъ возможность любви къ Богу (какъ это любить Бога, что-то непонятное? говоритъ онъ), но не знаетъ никакихъ религіозныхъ отношеній человѣка къ Богу. Разумъ для него есть творецъ вѣры и жизни, и

съ точки зрѣнія своего разума онъ оцѣниваетъ то, что ему, какъ вѣру, предлагаетъ христіанство. Вотъ почему, уясняя себѣ вѣру народа, Л. Толстой на ряду съ разумною ея частію нашелъ нѣчто такое, что его разумъ не могъ себѣ объяснить и что ему казалось потому совершенно лишнимъ; такимъ неразумнымъ элементомъ онъ призналъ вѣру „въ Тріединаго Бога, въ твореніе міра въ 6 дней, въ ангеловъ, діаволовъ, въ рай, въ таинства, обряды, церковь, посты, службы, поклоненіе мощамъ и иконамъ, чудеса и т. п.“ Иначе сказать, разумъ его отказался признать въ вѣрѣ вообще всякій спеціально—религіозный элементъ, и въ христіанствѣ—весь его догматическій-мистическій элементъ. Разумъ есть творецъ вѣры каждаго; каждый самъ своимъ разумомъ устанавливаетъ свое отношеніе къ безконечному; разумъ есть безаппеляціонный судія содержанія вѣры. Это вѣра не въ Бога, даже не въ какой либо нравственный идеалъ или нравственную силу, а вѣра въ свой собственный разумъ, какъ начало жизни, какъ частицу всеобщаго разума, разлитаго во вселенной. Отецъ въ евангеліи — это всеобщій безличный разумъ, какъ источникъ разума каждаго. Люди—сыны человѣческіе, по скольку получили разумъ, какъ начало жизни, отъ Отца жизни человѣчества. Жить по волѣ Отца значитъ жить по волѣ и указанію разума. Жить въ „сынѣ человѣческомъ“ значитъ

жить въ общей совокупности человѣческихъ разумовъ, въ разумномъ сознаніи всего человѣчества. Это или склоненіе къ пантеистическому пониманію міра, бездушно-отвлеченной и холодной теоріи разумной идеи, царящей въ мірѣ, или худо замаскированный атеизмъ, сознаться въ которомъ не позволяетъ Л. Толстому его инстинктивное чаяніе вѣры съ смутной надеждой ея обрѣтенія не въ этой своеобразной формѣ. Вотъ къ чему свелась вся вѣра Л. Толстого. Вотъ что появилось, какъ ученіе Христа послѣ разрушительной работы вѣрящаго въ свою непогрѣшимость разума Л. Толстого надъ содержаніемъ Евангелія. Это не религія, а философская вѣра въ способность и автономію разума изъ себя построять основы человѣческой жизни. И этотъ выводъ Л. Толстой выставляетъ какъ условіе истинной жизни, послѣ того какъ онъ самъ убѣдился въ безсиліи науки, какъ произведенія разума, построить ученіе о жизни въ ея конечномъ и безконечномъ смыслѣ. Въ этомъ неясномъ и неопредѣленномъ ученіи Л. Толстого о необходимости и сущности вѣры, какъ основы нравственной жизни, нельзя не видѣть выраженія того внутренняго раздвоенія, въ которомъ онъ находится съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ началась разрушительная работа „роющейся болѣзни“ (по выраженію Вогюэ), работа анализа надъ содержаніемъ его личной жизни. Съ одной стороны, внутренняя потреб-

ность вѣры, безсознательное преклоненіе передъ красотой и цѣлостностію жизни съ полнотою религіозной вѣры, съ другой—остатки вѣры въ полную компетентность разума рѣшать вѣчные вопросы жизни, привычка раціоналиста выкидывать за предѣлы истиннаго и разумнаго все, что не вмѣщается въ тѣсныя рамки ограниченнаго человѣческаго ума. Съ одной стороны, потребность вѣры въ Бога, а съ другой—отрицаніе Его личности, отрицаніе религіозной потребности знать Бога и выражать къ Нему свои отношенія; съ одной стороны—печаль о потерянной силѣ вѣры, какая была въ дѣтствѣ, скорбь о потерянной возможности горячихъ молитвъ („гдѣ тѣ горячія молитвы? гдѣ лучшій даръ—тѣ слезы умиленія?"), съ другой,—признаніе неразумными въ жизни народа обрядовъ, таинствъ, молитвъ и т. п. Внутренняя потребность вѣры въ Бога, съ одной стороны, и вѣра въ разумъ, — съ другой стороны, сдѣлали то, что вѣру въ живаго личнаго Бога замѣнила легко принимаемая разумомъ вѣра въ самаго себя, какъ частицу всеобщаго, разлитаго въ природѣ и совокупности человѣческихъ жизней, разума. И этой неопредѣленной вѣрой хочетъ Л. Толстой замѣнить всю совокупность христіанскихъ вѣрованій, эту стройную систему христіанской теодицеи, въ которой такъ удивительно и плодотворно удовлетворяются всѣ потребности человѣческаго духа въ его высочайшихъ, святѣй-

шихъ и чистѣйшихъ неискоренимыхъ стремленіяхъ! И этой холодной вѣрой, этимъ разсудочнымъ признаніемъ разумности жизни хочетъ ограничить онъ все содержаніе религіозной вѣры, которая и во всякой религіи, и особенно въ христіанской, рождаетъ цѣлый религіозный міръ души съ его лучшимъ цвѣтомъ—молитвой, отъ лепета дѣтской молитвы до вопля изъ истерзанной груди грѣшника,—религіозный міръ, который служа источникомъ живой и воодушевленной нравственной дѣятельности, составляетъ необходимое условіе полноты жизни, которая не исчерпывается одними физическими, умственными и нравственными потребностями. Эта вѣра не вноситъ успокоенія и мира въ мятущійся и волнующійся міръ человѣка. Она не освящаетъ свѣтомъ ни тайниковъ человѣческой души и сердца, не вноситъ свѣта, какъ увидимъ, ни въ личную, ни въ историческую жизнь человѣка.

На этой психологически неразъясненной и метафизически не выясненной вѣрѣ въ безличный разумъ, живущій въ каждомъ человѣкѣ, Л. Толстой пытается построить и обосновать христіанское ученіе о полной самоотреченія любви къ ближнему, какъ единственно разумной дѣятельности, придающей жизни смыслъ, не уничтожаемый смертію. Какимъ же образомъ? Если освободить подлинныя воззрѣнія Л. Толстого отъ той художественной оболочки образовъ, сравне-

ній и намековъ, въ которыя закутывается его мысль, скрывая свои недочеты, то окажется, что онъ обращается къ современнымъ эгоистамъ приблизительно съ такимъ разсужденіемъ. Сущность всякой жизни есть стремленіе къ благу; человѣкъ лишь доселѣ и живетъ, пока стремится ко благу. Каждый человѣкъ стремится ко благу своей личности и въ погонѣ за этимъ благомъ давитъ другаго; другіе давятъ его, и, такимъ образомъ, въ этой сплошной свалкѣ борющихся за благо существъ никто не достигаетъ блага, всѣ достигаютъ лишь страданія, а затѣмъ приходитъ смерть и своимъ факеломъ освѣщаетъ весь ужасъ и всю суету безсмысленно прожитой жизни. Жизнь безсмысленна и ужасна, когда она состоитъ въ суетной погонѣ за личнымъ благомъ. Но стремленіе къ благу законно, и оно должно быть достигнуто. Какимъ образомъ? Я могу быть счастливъ, — говоритъ Л. Толстой съ полною откровенностію,—только при такомъ міровомъ порядкѣ, при которомъ всѣ существа любили бы другихъ (въ томъ числѣ и меня) болѣе чѣмъ самихъ себя. Отсюда выводъ разума, что единственный путь къ достиженію блага есть путь отреченія отъ своей личности и служенія благу ближняго. Вмѣсто тщетныхъ усилій одной моей эфемерной личности разумъ предлагаетъ мнѣ усилія цѣлаго ряда личностей. Отсюда заповѣдь: люби каждый ближняго больше чѣмъ самаго себя, и тогда всѣ будутъ любить тебя больше, чѣмъ самихъ себя.

И такъ вотъ во что обратилась христіанская любовь, въ которой мы привыкли видѣть высшее нравственное состояніе, высшій духовный подвигъ сердца, подавившаго въ себѣ эгоистическія стремленія во имя высшихъ нравственныхъ цѣлей, подвигъ, полный безкорыстія и забвенія блага своей личности! Любовь — это простое житейское правило благоразумнаго человѣка. Разумъ съ точностію эгоиста — бухгалтера высчиталъ, при какихъ условіяхъ я могу быть счастливымъ и, найдя такое простое и практическое средство, предлагаетъ его мнѣ, какъ законъ нравственной дѣятельности. Л. Толстой обращается къ современному эгоисту съ проповѣдью о любви къ ближнему, не затрогивая высшихъ нравственныхъ цѣлей человѣческаго существа, не во имя высшаго нравственнаго закона любви, какъ высшей жизни, а во имя тѣхъ же эгоистическихъ цѣлей, какія преслѣдуетъ этотъ эгоистъ, а потому этотъ эгоистъ, по соображеніямъ того же разума, можетъ отвергнуть практичность предлагаемаго Л. Толстымъ закона. Тотъ же разумъ, который въ исторіи морали уже достаточно доказалъ свою эгоистическую тенденцію въ попыткахъ обоснованія морали эгоизма, можетъ прекрасно доказать полную разумность своего эгоистическаго поведенія.

Я могу—утверждаетъ Л. Толстой — быть счастливъ только при такомъ порядкѣ, когда всѣ

существа будутъ любить меня больше, чѣмъ самихъ себя. Но теперь такого міроваго порядка нѣтъ, ибо тогда не къ чему бы и проповѣдывать о любви къ ближнему, и будетъ ли такой порядокъ когда-нибудь, за это трудно поручиться, ибо сила эгоизма настолько велика, что эгоистовъ всегда будетъ больше, чѣмъ служителей самоотреченія. Но если бы даже и была надежда на такой міровой порядокъ, то пока его нѣтъ, для эгоиста нѣтъ никакихъ основаній дожидаться, что онъ достигнетъ личнаго блага при самоотреченіи. Напротивъ, его страданія увеличатся и во всякомъ случаѣ не уменьшатся. Не принимая никакого участія въ борьбѣ за существованіе, предлагая всѣмъ услуги своей личности, онъ будетъ предметомъ эксплуатаціи, насмѣшекъ, а самъ не получитъ ничего отъ тѣхъ эгоистовъ, которые прекрасно будутъ жить на чужой счетъ при такомъ удобномъ для нихъ міровомъ порядкѣ. Нѣтъ, скажетъ эгоистъ, лучше малаго достигнуть, но вѣрнаго, чѣмъ большаго, но сомнительнаго; лучше съ вѣрой въ законъ сильнаго и приспособленнаго къ борьбѣ за существованіе человѣка прямымъ путемъ идти къ достиженію законнаго блага, чѣмъ обманчивыми и непривычными путями самоотреченія и любви ничего не достигнуть. Разумнѣе — скажетъ эгоистъ — прямо идти къ цѣли и силой достигать ея, чѣмъ неясными и окольными путями ниче-

го не достигнуть, при этомъ онъ сошлется на опытъ жизни, который показываетъ, что есть же люди, которые прекрасно умѣютъ добывать личныя блага, культивируя различные виды эгоизма, и что люди, полные самоотреченія и любви, встрѣчаютъ часто въ людяхъ міра насмѣшливыя подозрѣнія въ ихъ умственной здравости.

Но, — утверждаетъ Л. Толстой, — такой міровой порядокъ, когда всѣ люди будутъ любить другъ друга больше чѣмъ самихъ себя, настанетъ непремѣнно, ибо постепенно люди будутъ все болѣе и болѣе убѣждаться въ истинности закона любви, и, наконецъ, идеалъ счастія на землѣ, идеалъ царства Божія, осуществится. Въ этомъ—смыслъ исторіи человѣчества, и къ водворенію царства Божія, этой окончательной цѣли на землѣ, должны быть направлены усилія всѣхъ личностей. Но не эгоиста можно заманивать такими мечтами. Надо преподѣдить въ немъ силу эгоизма, возбудить въ немъ высшія нравственныя потребности, чтобы заставить его пожертвовать личнымъ благомъ для достиженія этихъ благъ какими-то невѣдомыми отдаленными для него поколѣніями. Что ему до нихъ, если онъ въ этомъ лично не заинтересованъ?

Чувствуя, что разумъ не оставитъ безъ законныхъ и естественныхъ возраженій его закона самоотреченія и любви, какъ лучшаго пути къ достиженію личнаго счастія, Л. Тол-

стой начинаетъ доказывать, что любовь есть не только единственный разумный путь къ счастію, но и сама въ себѣ заключаетъ ощущеніе нѣкотораго блаженства, которое дѣлаетъ ея служителя во всякомъ случаѣ болѣе счастливымъ, чѣмъ служителя эгоизма. Любовь — это блаженное чувство, не одинъ разъ повторяетъ онъ. Это самое спокойное свѣтлое состояніе, эта—радостная дѣятельность. Кто изъ живыхъ людей,—восклицаетъ онъ—не знаетъ того блаженнаго чувства, хотя разъ испытаннаго и чаще всего въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, когда душа еще не была засорена всей тою ложью, которая заглушаетъ въ насъ жизнь,—того блаженнаго чувства умиленія, при которомъ хочется любить всѣхъ: и близкихъ, и отца, и мать, и братьевъ, и всѣхъ людей, и враговъ, и собаку, и лошадь, и травку: хочется одного, чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы всѣ были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всѣмъ было хорошо и радостно. Это-то и есть, и это одно есть та любовь, въ которой жизнь человѣка. Это—прекрасныя слова, и это только доказываетъ, что свойствами своего сердца Л. Толстой чувствуетъ и понимаетъ красоту любви, но, стремясь дать ей разумное обоснованіе, такъ чтобы ее могъ признать за законъ разумной жизни современный

эгоистъ, онъ сдѣлалъ все, чтобы эгоистъ не увидалъ ничего къ этихъ вѣрныхъ и художественно—психологическихъ чертахъ кромѣ одной художественной оболочки, скрывающей дѣйствительный смыслъ его ученія. Ложь уже засорила это чувство умиленія, которое, по самому сознанію Л. Толстого, бываетъ всего чаще въ раннемъ дѣтствѣ, когда душа свободно отдается порывамъ дѣтской вѣры въ Бога, когда горяча бываетъ молитва, когда дѣтское сердце еще не знакомо съ тѣмъ ужасомъ эгоизма и злобы, воплощеніемъ которыхъ потомъ будутъ являться ему многіе люди, которые убьютъ въ немъ вѣру въ людей и добро. Чтобы испытать это чувство умиленія и радости любви, нужно возвратить себѣ спокойную и ясно дѣтскую вѣру въ Бога и людей, нужно изгнать изъ своего сердца силу эгоизма, считающаго свое я центромъ жизни; нужно возродиться, снова почувствовать красоту этого—когда то радостнаго чувства, нужно сдѣлаться христіаниномъ, и въ вѣрѣ во Христа, какъ высочайшую любовь, какъ живого и личнаго Бога любви, и въ любви къ Нему, почерпать основанія, силу и средства для радостной и полной умиленія любви къ каждому отдѣльному человѣку какъ брату, какъ искупленному любовію Христа, положившаго душу за други своя. Только для вѣрующаго во Христа, какъ въ полнотѣ осуществившаго идеалъ любви, какъ единственное благо человѣка,

возможно это блаженное чувство пріобщенія жизни Божественной любви, какъ сладостное чувство предвкушенія того вѣчнаго блага общенія въ любви со Христомъ, къ которому онъ стремится. Для человѣка, въ которомъ не горитъ лучъ свѣта вѣры въ Бога и людей, для котораго нѣтъ живаго идеала, въ которомъ удовлетворены всѣ лучшія потребности человѣческой природы, для котораго нѣтъ благодатной надежды на помощь Божію, — не возможно то спокойное, разумное и свѣтлое чувство любви, о которомъ говоритъ Л. Толстой. И онъ убѣдился бы въ этомъ, если бы съ искренней жаждой ученія и безпристрастіемъ ищущаго истины человѣка обратился бы къ изученію жизни подвижниковъ христіанскихъ. Онъ увидалъ бы, какъ сильный порывъ религіозной вѣры во Христа, какъ пламенное чувство любви къ своему Искупителю и Спасителю, вдохновляя ихъ на упорную борьбу съ эгоистической силой грѣха, дѣлалъ изъ нихъ великихъ человѣколюбцевъ, приводилъ ихъ къ тому полному умиленія и радости чувству любви, которое выражалась и въ ихъ любви къ природѣ и животнымъ, и въ ихъ любви къ страждущему физически и нравственно человѣчеству; для него они не только жертвовали своимъ имуществомъ, оставаясь сами и оставляя своихъ сожителей безъ хлѣба, который они раздавали алчущимъ,—для него они жертвовали не толь-

ко своимъ трудомъ, отдавая послѣдніе куски заработаннаго упорнымъ трудомъ хлѣба, омывая раны и служа при ложѣ больныхъ, но для духовнаго блага и спасенія ихъ употребляли всѣ средства и пути, непонятные для невѣрующаго человѣка. Съ чувствомъ привѣтливой любви встрѣчали эти человѣколюбцы всякаго приходившаго къ нимъ за матеріальною или духовною помощію, ласка отеческой любви свѣтилась во всякомъ ихъ словѣ, пламенное желаніе блага и только блага выражалось во всякомъ ихъ словѣ, совѣтѣ, дѣйствіи, даже при обращеніи съ закоренѣлымъ грѣшникомъ. Вотъ истинные плоды воодушевленной вѣры въ Бога и пламенной любви ко Христу! Но этой вѣры въ Бога и этой любви ко Христу не хочетъ признать Л. Толстой, и потому его ученіе о любви носитъ такой неопредѣленный характеръ и терпитъ участь всякой необоснованной теоріи. Къ современнымъ эгоистамъ онъ обращается не съ живою проповѣдью религіознаго идеала, который затронулъ бы лучшія свойства ихъ природы, въ которой эгоизмъ безсиленъ изгнать навсегда, безвозвратно, лучшіе ея порывы, а аппелируетъ къ ихъ разуму во имя тѣхъ же эгоистическихъ цѣлей, освободить отъ которыхъ онъ ихъ хочетъ.

И такъ любовь, которую, какъ самую разумную дѣятельность, предлагаетъ нашему разуму Л. Толстой, далеко не есть такая разумная дѣя-

тельность, ибо и въ этомъ случаѣ человѣкъ такъ же мало достигаетъ личнаго блага, какъ и идя путемъ лихорадочной погони эгоизма за призраками личнаго счастья. Правда, служа другимъ, онъ уменьшаетъ чужія страданія, но отъ этого себѣ лично ничего не выигрываетъ. Любовь, какъ блаженное чувство, дѣлающее его болѣе счастливымъ чѣмъ тѣ, которые страдаютъ отъ мукъ своего эгоизма, возможна въ человѣкѣ только тогда, когда она есть ощущеніе дѣйствительно иной высшей нравственной жизни, реальныхъ основъ которой Л. Толстой не въ состояніи дать. И вотъ, не достигнувъ личнаго блага, человѣкъ умираетъ, и предъ ужасомъ наступающей смерти видитъ во всей наготѣ всю суету своей жизни, въ которой онъ видитъ одно, что онъ отдалъ все, а не получилъ ничего, — что впереди — одно ничтожество, одно небытіе, — а позади его—муки, страданія и обманы. И вотъ Л. Толстой, въ качествѣ послѣдней основы своему ученію о любви, какъ неуничтожаемомъ смертію смыслѣ жизни, прибѣгаетъ къ ученію о *безсмертіи* разумнаго сознанія человѣка и *вѣчности* любви, какъ закона этого разумнаго сознанія.

Если смыслъ жизни дается вѣрой въ разумъ, если разумъ указываетъ и законъ разумной жизни человѣка, осуществляющій смыслъ, указуемый вѣрой, то въ разумѣ же надо искать основъ и безсмертія.

Ученикъ Л. Толстого, которому послѣдній обѣщалъ заманчивую перспективу личнаго и общественнаго счастія, скажетъ своему учителю: что́ за смыслъ жизни указали вы мнѣ,—смыслъ, который для меня не имѣетъ никаго значенія? Я отрекся отъ своей личности для какихъ-то цѣлей будущаго человѣчества: я умру, и мнѣ даже не дано утѣшенія знать, принесло ли мое отреченіе отъ личности и любовное служеніе людямъ хотя крупицу полезнаго для счастія всего человѣчества. Относительно обѣщаннаго мнѣ личнаго счастія я обманулся: не обманусь ли я и относительно общечеловѣческаго счастія? И вотъ тутъ-то въ качествѣ утѣшенія является ученіе о безсмертіи. Утѣшься, — отвѣтитъ Л. Толстой: — и твоя доля въ міровомъ прогрессѣ есть. Твое разумное сознаніе не умретъ; не умрутъ и внесенныя имъ новыя отношенія къ міру, т. е. дѣла любви: они будутъ вѣчно жить въ воспоминаніяхъ дальнѣйшихъ поколѣній и въ ихъ разумномъ сознаніи, усовершенномъ твоими дѣлами.

Вотъ какое идейное, безличное безсмертіе сулитъ Л. Толстой ревнителямъ закона любви! Но что это за безсмертіе! То, что согласно съ инстинктивной вѣрой человѣчества нужно считать истиннымъ, способнымъ дать намъ смыслъ жизни и утѣшить въ часы смерти, безсмертіемъ есть безсмертіе личной индивидуальной души, которая здѣсь на землѣ любила, боролась, страда-

ла, стремилась къ нравственному совершенству. Безличная жизнь въ лонѣ безличнаго разума — пустыя слова безъ содержанія, если мое будущее бытіе не будетъ связано съ прошедшимъ ни воспоминаніемъ, ни сознаніемъ. Послѣ моей смерти буду ли я сознавать свое бытіе? Если не буду, то что это за бытіе, которое не сознается? Это ничто. Если же я буду сознавать свое бытіе и по смерти, то какъ согласить безличное съ сознательностію? Итакъ, что изъ того, если я буду жить по смерти, но не буду ничего сознавать? Такое безличное и несознаваемое бытіе есть чистое ничто, и называть это состояніе безсмертіемъ и притомъ утѣшать имъ человѣческое сердце значитъ или насмѣхаться надъ его вѣрой, прирожденной вѣрой въ безсмертіе, или предлагать камень вмѣсто хлѣба.

Но,—утѣшаетъ Л. Толстой,—о человѣкѣ будутъ помнить дальнѣйшія поколѣнія, а воспоминаніе благодарнаго потомства развѣ не способно утѣшить человѣка въ предсмертныя минуты? Печальное безсмертіе, основанное на воспоминаніяхъ безпамятнаго и неблагодарнаго человѣчества. Еще древній мудрецъ жаловался, что мудраго не будутъ помнить вѣчно наравнѣ съ глупымъ, и справедливо разсуждалъ, что, если смерть есть дѣйствительно конецъ всего, то не стоитъ и добиваться быть мудрымъ. Едва ли кто будетъ настолько идеализировать человѣчество, чтобы приписывать ему вѣчно живую

память о хорошихъ людяхъ, кромѣ человѣка, совсѣмъ утратившаго чутье дѣйствительности. Забываются и великіе люди, что же масса среднихъ человѣческихъ единицъ? Пусть даже, положимъ, обо мнѣ будутъ помнить близкіе люди, но вѣдь они умрутъ такъ же, какъ и я, — умрутъ помнящіе и ихъ, и о мнѣ позабудутъ еще раньше, чѣмъ о нихъ. Насколько же времени это безсмертіе? На годъ, десять, сто лѣтъ?

Чувствуя, что смѣшно основывать безсмертіе на такомъ невѣчномъ основаніи, какъ воспоминаніе объ умершемъ человѣкѣ дальнѣйшихъ поколѣній, Л. Толстой придумалъ нѣчто въ родѣ переселенія разумныхъ сознаній въ животныя личности. Законъ наслѣдственности здѣсь оказался весьма кстати. Мое разумное сознаніе, съ каковымъ, какъ съ особеннымъ отношеніемъ къ міру, я являюсь въ міръ, вноситъ новыя и новыя отношенія къ міру, т. е. сказать проще — мое разумное сознаніе усовершается и въ такомъ усовершенномъ видѣ перейдетъ въ послѣдующее поколѣніе. Я былъ хорошъ, мой потомокъ будетъ еще лучше и т. д., и такимъ образомъ человѣчество будетъ идти по пути прогресса. „Видишь, и твоя доля въ міровомъ прогрессѣ есть“,—утѣшаетъ Л. Толстой.

Но и эта прибавка вызываетъ недоумѣнія и въ сущности не выдерживаетъ критики. Какимъ образомъ я передамъ свои лучшія ка-

чества потомству? Это возможно или при посредствѣ родныхъ дѣтей или въ томъ случаѣ, если воспоминаніе обо мнѣ будетъ вызывать подражаніе моимъ качествамъ. Первое, при отрицаніи Л. Толстымъ брака, какъ средства служить благу животной личности, и не должно приниматься имъ во вниманіе, тѣмъ болѣе, что прекращеніе потомства будетъ и прекращеніемъ этого на случайности основаннаго безсмертія. Что же касается второго, силы примѣра, то живое воспоминаніе о мнѣ и любовь ко мнѣ способны вызвать подражаніе моимъ качествамъ, но стоитъ потускнѣть этому воспоминанію, и сила примѣра ослабнетъ сама собой. Во всякомъ случаѣ такое безсмертіе очень ненадежно и случайно. Правда, Л. Толстой, выбирая примѣръ своего умершаго брата, утверждаетъ, что „воспоминаніе о немъ не есть только представленіе, но воспоминаніе есть что-то такое, что дѣйствуетъ на меня и дѣйствуетъ почти такъ же, какъ дѣйствовала на меня жизнь моего брата во время его земного существованія. Та сила жизни, которая была въ моемъ братѣ, не только не исчезла, не уменьшилась, но даже увеличилась и сильнѣе, чѣмъ прежде, дѣйствуетъ на меня. Мало того. Эта невидимая жизнь моего умершаго брата не только дѣйствуетъ на меня, но она входитъ въ меня. Его особенное, живое *я*, его отношеніе къ міру становится моимъ отношеніемъ. Онъ въ установленіи этого

отношенія къ міру какъ бы поднимаетъ меня
на ту степень, на которую онъ уже поднялся,
и мнѣ, моему особенному живому *я*, яснѣе та
слѣдующая ступень, на которую онъ уже сту-
пилъ, скрывшись отъ моихъ глазъ, но увлекая
меня за собою" Затрудняемся признать пси-
хологическую правду этого неяснаго мѣста.
Если это дѣйствительный субъективный фактъ,
не будемъ утверждать его объэктивной правды
или неправды. То, что было съ Л. Толстымъ
въ его отношеніяхъ къ брату, нельзя распро-
странять на всѣхъ. Конечно, если предположить
какое-то волшебное, таинственное вхожденіе
„силы жизни" моего умершаго брата въ меня,
что въ приведенныхъ словахъ можно видѣть
нѣчто болѣе фигуральныхъ выраженій, указы-
вающихъ на силу подражанія и живость воспо-
минанія. Но во всякомъ случаѣ, передается ли
мое разумное сознаніе послѣдующимъ поколѣ-
ніямъ путемъ наслѣдственности или будетъ
жить въ воспоминаніяхъ другихъ людей или
вселится въ другихъ людей путемъ волшебнаго
акта „вхожденія", — все равно: и это не дастъ
мнѣ личнаго безсмертія. Вѣдь я не буду созна-
вать своего бытія? А не сознаваемое бытіе —
ничто. Утѣшать себя тѣмъ, что и моя доля въ
міровомъ прогрессѣ есть, значитъ утѣшать себя
сознаніемъ исполненнаго долга, и называть это
безсмертіемъ значитъ играть словами

Впрочемъ, Л. Толстой съ точки зрѣнія свое
метафизики пожалуй можетъ признать, что
буду сознавать свое бытіе даже тогда, ког
мое разумное сознаніе переселится въ дальнѣ
шія поколѣнія. Ибо что такое я, ты, онъ—ч
такое всѣ люди? Вѣдь это космическій безли
ный разумъ, вселившійся во временныя оболочк
животныхъ личностей. Метафизическая осно
всѣхъ людей едина. Значитъ, и во мнѣ, и в
немъ и во всѣхъ людяхъ сознаетъ свое *я* тот
же безличный разумъ. Рядъ разумныхъ созн
ній, разумныхъ *я* есть *я* безличнаго разума, как
всеобщей космической основы. Умирая, я пр
должаю жить въ другихъ людяхъ, а по смерт
ихъ я и они—въ другихъ, и такъ до скончан
человѣческаго рода. Когда уничтожится чел
вѣчество, я буду жить въ лонѣ всеобщаго р
зума, т. е. всеобшій разумъ будетъ жить сам
по себѣ, внѣ всякой временной и пространстве
ной оболочки. Я буду жить въ самосознаніи р
зума, бытіе котораго вѣчно. Пусть такъ, пуст
безличному разуму приписывается самознающе
я, но вѣдь это уже не я буду жить, а безлич
ный разумъ? Зачѣмъ же играть двусмысле
ными словами и утѣшать страдающаго на зе
млѣ человѣка какимъ-то *его* безсмертіемъ, когд
онъ будетъ поглощенъ бездной божества? Нѣтъ
сознаніе продолженія жизни нашей личности
за гробомъ такъ неискоренимо сильно, что он
невольно выступаетъ даже въ тѣхъ пантеисти

ческихъ системахъ, гдѣ теоретически личность трицается въ абсолютномъ смыслѣ и признается полное уничтоженіе личнаго *я* въ лонѣ абсолютнаго. Поэтому нельзя не согласиться съ слѣдующими словами Шеллинга: „Едва ли,—говоритъ онъ,—какой-либо мечтатель могъ тѣшиться мыслію о поглощеніи себя бездною божества. Едва ли мистикъ могъ допустить мысль о своемъ уничтоженіи въ Богѣ, если бы онъ мыслилъ постоянно, какъ субстратъ уничтоженія, свое собственное *я*. Даже Спиноза, созерцая себя уничтожившимся въ абсолютномъ объектѣ, созерцалъ однако самого себя и не могъ мыслить себя уничтожившимся, не мысля себя въ тоже время существующимъ."

Такъ разрушилъ Л. Толстой эту высшую отраду человѣка, его личное безсмертіе, и взамѣнъ его далъ то, что не можетъ избавить человѣка отъ ужасовъ смерти, не можетъ дать вѣчной основы человѣческой жизни и дѣятельности. Ни что не въ силахъ спасти ученика Л. Толстого отъ ужасовъ и мукъ смерти. Вмѣстѣ съ моею смертію умретъ и моя личная любовь; смерть унесетъ и тѣхъ, кого я лично любилъ и на кого я вліялъ своею личною любовію. Смерть послѣдняго человѣка на землѣ (а конецъ міра несомнѣненъ для Л. Толстого) есть смерть и того жалкаго остатка моей любви, который, слившись съ вліяніями другихъ личностей,—

исчезъ въ этомъ океанѣ любви, и со смертію человѣчества умираетъ, перестаетъ жить и этотъ океанъ любви, разлитой въ живомъ человѣчествѣ. А жизнь разума потомъ, внѣ времени и пространства, жизнь безличная и не сознаваемая мною есть ничто, небытіе, отрицаніе жизни, также смерть.

Отсюда, изъ всего изложеннаго ученія Л. Толстого, совершенно ясно выходитъ, что та вѣра въ безличный разумъ, на которую онъ возлагалъ всѣ свои надежды, какъ силу жизни и основу нравственности, оказалась безсильной указать и обосновать единственный разумный смыслъ въ жизни, какъ исполненія закона любви, и оказалась не въ силахъ построить такой смыслъ жизни, который не уничтожался бы неизбѣжно предстоящею смертію. Указуемый Л. Толстомъ смыслъ жизни оказался и не единственно разумнымъ и вполнѣ уничтожаемымъ смертію отдѣльнаго человѣка и цѣлаго человѣчества. Жизнь человѣка и всего человѣчества оказывается полной безсмыслицей предъ закономъ всеобщаго уничтоженія. Пессимистическое отчаяніе, проклятіе жизни, которая представляется какой-то жалкой игрушкой какого-то безличнаго разума, зачѣмъ-то надѣлившаго насъ любовью ко благу жизни и зачѣмъ, обманутыхъ и измученныхъ, повергающаго въ ужасы смерти—вотъ послѣдніе выводы того ученія

смыслѣ жизни, какое предлагаетъ Л. Толстой. Понятно поэтому, что его ученіе можетъ быть азвано какимъ угодно именемъ, именемъ пес-имизма, толстовщины, но во всякомъ случаѣ е имѣетъ ни малѣйшаго права на нелѣпую ретензію выражать сущность ученія Того, Кто сть Спаситель и Утѣшитель человѣчества.

II.

Отъ безжизненной, отвлеченной и холодной те
оріи современнаго моралиста обратимся теперь
къ жизненному, стройному и плодотворному
ученію христіанства и вкратцѣ укажемъ основ
ныя черты христіанскаго міровоззрѣнія, указы
вающаго вѣчную и блаженную цѣль каждаго
человѣческаго существованія.

Христіанство неразрывно связано съ ученіем
о вѣчной жизни. Ученіе о вѣчной жизни есть
основа христіанской жизни. При свѣтѣ вѣчно
сти только получаетъ свой полный смыслъ эта
земная жизнь, которая постольку и есть жизнь
по скольку дышетъ дыханіемъ вѣчности. Вопре
ки Л. Толстому и другимъ мечтателямъ, кото
рые увлекаются обманчивыми мечтами и утопі
ями о раѣ на землѣ, о достиженіи на землѣ
полнаго счастія, какъ цѣли жизни и отдѣльнаго
человѣка и всего человѣчества, которые по
этому и въ ученіи Христа видятъ пути и сред
ства для земного счастія,—вопреки имъ Хри
тосъ отвергъ то искушеніе, въ которомъ діаволъ

редлагалъ Ему привлечь человѣчество обѣща-
іемъ земныхъ и тлѣнныхъ благъ, – путемъ лег-
имъ и простымъ, какъ это показалъ случай,
огда хотѣли сдѣлать Его царемъ за то, что
нъ напиталъ въ пустынѣ хлѣбами,—примѣръ
оняющагося только за плотскими и земными
нтересами и не сознавшаго своихъ вѣчныхъ
ѣлей несовершеннаго человѣчества. Напротивъ,
уть скорбей и креста, путь узкій и тѣсный
бѣщаетъ онъ своимъ послѣдователямъ въ этой
емной юдоли плача и скорбей, и утѣшаетъ
лачущихъ, гонимыхъ, труждающихъ и обре-
ененныхъ не земными утѣшеніями, а обѣща-
іями покоя и блаженства жизни вѣчной. Не
ь тлѣнному и преходящему благу преходящей
емной жизни, которая совершается въ мірѣ,
оторый весь во злѣ лежитъ, призываетъ людей
ристіанство, а къ нетлѣнному благу царствія
ожія, которое не есть „пища и питіе“, но „пра-
едность, миръ и радость во Святомъ Духѣ“,
арствія Божія, которое здѣсь, въ градѣ „здѣ
ребывающемъ“ можетъ имѣть мѣсто только
внутрь“, въ человѣческомъ сердцѣ, а оконча-
ельно осуществится въ „градѣ грядущемъ“,
ь жизни вѣчной. Это ученіе о жизни вѣчной—
сть основное положеніе ученія Христова.
Истинно, истинно говорю вамъ: слушающій
лово Мое и вѣрующій—въ Пославшаго Меня
мѣетъ жизнь вѣчную, переходитъ отъ смерти
ь животъ.“ „И я знаю, говоритъ Спаситель

въ другомъ мѣстѣ, что заповѣдь Его (Отца м
его) есть жизнь вѣчная.“ Ибо „такъ возлюбил
вогъ міръ, дабы всякій, вѣрующій въ Нег
не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную.“ Съ п
разительной силой убѣжденія указываетъ с
Павелъ на воскресеніе Христа и будущу
жизнь, какъ на основы христіанской жизн
„Если Христосъ не воскресъ, (если, таким
образомъ, вѣчная жизнь не стала реальнымъ
живымъ фактомъ), и проповѣдь наша тщетн
тщетна и вѣра наша. Если мы только въ се
жизни надѣемся на Христа, то мы несчастнѣ
всѣхъ человѣковъ.“ Сущность этой вѣчной жи
ни, стремленіе къ которой искони существов
ла въ человѣческомъ духѣ, какъ нѣчто апр
ористическое и прирожденное, составляя ос
нованіе религіи, состоитъ въ общеніи съ Бо
гомъ, общеніи со Христомъ, какъ абсолют
ной истиной, высочайшимъ добромъ и все
совершенной красотой, какъ благомъ живым
и реальнымъ, въ которомъ удовлетворяются вс
высшія стремленія человѣка,—общеніи не в
смыслѣ пантеистическаго погруженія личност
человѣка въ божество, а свободномъ нравствен
номъ общеніи съ личнымъ Богомъ, Который ест
любовь. „Отче,—молится Христосъ,—которыхт
Ты далъ мнѣ, хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они
были со Мною, да видятъ славу Мою, которую Ты
далъ Мнѣ, потому что возлюбилъ Меня прежде
основанія міра.“ Утѣшая учениковъ передъ

разлукой съ ними, Христосъ говоритъ имъ: „И когда Я пойду, и приготовлю вамъ мѣсто, прійду опять, и возьму васъ къ Себѣ, чтобы и вы были тамъ, гдѣ и Я.“ Въ сердцѣ ап. Павла это стремленіе къ благу личнаго общенія со Христомъ было такъ сильно, что онъ говорилъ о себѣ: „желаніе имѣю разрѣшиться и быть со Христомъ, потому что это несравненно лучше.“

Если, такимъ образомъ, по ученію христіанства, высшею цѣлью человѣческой жизни можетъ быть только одно свободное личное общеніе со Христомъ, въ которомъ для христіанина воплощается въ реальномъ, живомъ осуществленіи всякое благо, и если это благо достижимо окончательно лишь въ вѣчной жизни, то отсюда, съ одной стороны, ясно, что земная жизнь, въ которой нельзя ждать осуществленія идеала, сама по себѣ, взятая внѣ своего вѣчнаго значенія, не имѣетъ значенія и смысла, но, съ другой стороны, что она можетъ имѣть, не смотря на то, великую цѣнность при свѣтѣ вѣчности, какъ начало того духовно—нравственнаго процесса, который, начинаясь здѣсь на землѣ, достигаетъ полнаго завершенія въ условіяхъ вѣчной жизни. Отсюда великое значеніе христіанско-нравственной дѣятельности, какъ содержанія жизни человѣческой, въ ея вѣчномъ стремленіи къ нравственному идеалу, достижимому лишь въ вѣчности. Но не бездушная вѣра въ безличный разумъ, не отвлеченное признаніе

разумности жизни, не теорія „истиннаго разумѣнія“ жизни, указываетъ христіанину высшій смыслъ его жизни и ея пути, а живая вѣра во Христа, какъ Бога, и пламенная къ Нему любовь, а чрезъ Него и ко всѣмъ людямъ,—вѣра, дѣйствующая любовію. Вѣра во Христа и общеніе съ Нимъ есть та почва, изъ которой бьетъ живой ключъ христіанской дѣятельности. Христосъ говоритъ прямо: „Я есмь путь, истина и жизнь“. Сравнивая себя съ виноградной лозой, а учениковъ съ вѣтвями, которыя имѣютъ жизнь, пока онѣ на лозѣ, а отдѣленныя отъ лозы сохнутъ и погибаютъ, Христосъ прямо указываетъ, что только изъ Него лично, изъ общенія съ Нимъ вѣрою и благодатію, христіанинъ можетъ черпать свою духовную жизнь. „Пребудьте во Мнѣ и Я въ васъ, — говоритъ Христосъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ, такъ и вы, если во Мнѣ не пребудете. Кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода, ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего.“ Но эта движущая жизнью христіанина сила, безъ которой жизнь человѣка обрекается на полное духовное безплодіе и духовную смерть, эта вѣра не есть одно только умозрительное признаніе христіанскаго догмата или увѣренность въ истинности нравственнаго ученія Христа, какъ это мы видимъ у Л. Толстаго и всѣхъ моралистовъ, отдѣляющихъ нравствен-

ность христіанскую отъ ея живого источника—вѣры, и проповѣдующихъ христіанство безъ Христа,—эта вѣра есть подъемъ всего духовнаго существа человѣка, духовное и живое настроеніе, объемлющее его всего, какъ духовно-нравственную личность, и она заключается „въ принятіи Христа всѣми силами души, всецѣлой личной преданности Ему, какъ Своему Богу и Спасителю во всѣхъ своихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и дѣлахъ". (Прот. І. Л. Янышевъ).

Психологически, эта вѣра выражается во внутренней гармоніи всего нашего существа, которое сопровождается сладостнымъ ощущеніемъ духовной красоты предмета нашей вѣры, Христа, въ которомъ мы видимъ нашъ свѣтъ, нашу жизнь, нашу надежду. Вмѣстѣ съ вѣрой рождается и любовь. Безъ вѣры нѣтъ любви, ибо какъ можно любить, въ кого не вѣруешь, и какъ можно не любить того, въ комъ вѣра указываетъ, иногда даже совершенно незамѣтно и невидимо, предметъ, достойный любви? Можно прямо утверждать, что зарождающейся вѣрѣ уже присуща любовь, ибо что такое вѣра христіанина, какъ не усвоеніе любви Христовой, и можно ли представить усвоеніе любви Христовой, даже въ самомъ началѣ, безъ нѣкотораго сочувственнаго движенія души, безъ возбужденія любви? Какъ огонь отъ огня, уже въ первомъ порывѣ вѣры во Христа, зажигается во всемъ существѣ христіанина искра любви

ко Христу, которая, съ большимъ и глубочайшимъ познаніемъ любви Божіей, получая отъ нея силу и одушевленіе, разгорается въ пламенный порывъ любви, полный самоотреченія, во всѣхъ видахъ христіанскаго мученичества. Вотъ почему, на вопросъ, какая первая изъ всѣхъ заповѣдей, Христосъ отвѣтилъ: „возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и всею крѣпостію твоею.“ Опредѣляя ближе, какой характеръ должна имѣть эта любовь, Христосъ поучаетъ насъ смотрѣть на Бога, какъ Отца, и молиться Ему: Отче нашъ, а св. Іоаннъ въ этомъ правѣ называть Бога Отцемъ видитъ яркое выраженіе любви Бога къ намъ. „Смотрите,—говоритъ онъ, какую любовь далъ намъ Отецъ, чтобъ намъ называться и быть дѣтьми Божіими“. Можно поэтому сказать, что отношеніе отца къ дѣтямъ и дѣтей къ отцу, возведенное на высшую степень полноты, можетъ служить лучшимъ прототипомъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ должна выражаться любовь христіанина къ Богу. Подобно тому, какъ поставленный въ здоровыя семейныя условія сынъ начинаетъ любить добро и стремиться къ нему потому, что въ своемъ отцѣ онъ привыкъ любить олицетвореніе добра, подобно тому и христіанинъ, одушевленный живой силой вѣры, которая съ сладкимъ порывомъ любви познаетъ во Христѣ всю

полноту всякаго блага, начинаетъ стремиться къ тому, чтобы уподобиться этой духовной красотѣ, начинаетъ любить то благо, которое для него заключается во Христѣ. „Если любите Меня, заповѣди моя соблюдите.“ „Если заповѣди мои соблюдете, пребудете въ любви Моей.“ „Тотъ, кто соблюдаетъ заповѣди мои, тотъ любитъ Меня.“ Этой психологической потребности вѣры въ Бога,—любить Бога и съ пламеннымъ настроеніемъ любви къ Богу исполнять Его заповѣди, осуществлять законъ Его воли,—въ христіанствѣ соотвѣтствуетъ тотъ безконечный идеалъ нравственнаго совершенства, который указуется въ словахъ Христовыхъ: „будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть!“ Вотъ путеводная звѣзда, ведущая христіанина къ вѣчному свѣту! Невозможно представить себѣ болѣе живой и плодотворный идеалъ человѣческой жизни. Вотъ живая и истинная задача всякой человѣческой личности! Вотъ полнота смысла истинно—разумной человѣческой жизни. Каждое мгновеніе ея, каждый ея актъ получаетъ глубочайшій смыслъ при свѣтѣ этого безконечнаго идеала, который реально, и для нашей вѣры съ самоочевидностію, осуществленъ во Христѣ. Отсюда личная задача жизни каждаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы неустанно стремиться къ нравственному совершенствованію, идеалъ котораго намъ данъ во Христѣ. Человѣческая личность, такимъ

образомъ, получаетъ въ христіанствѣ свое полное значеніе самостоятельной нравственной единицы съ вполнѣ самостоятельнымъ и осуществимымъ смысломъ существованія. Она не приносится въ жертву отвлеченному понятію блага человѣчества, не исчезаетъ, подобно волнѣ, въ океанѣ міровой жизни, не зная, откуда она идетъ и куда идетъ; она имѣетъ свою личную задачу, личную цѣль, какъ душа, столь драгоцѣнная въ очахъ Христа, что она, по слову Его, дороже всего міра, что Онъ ищетъ ее одну, какъ Пастырь ищетъ погибшую овцу, покидая все стадо, или какъ евангельская женщина ищетъ потерянную драхму. Итакъ, каждому человѣку предстоитъ жизненная задача—задача личной святости, задача личнаго спасенія.

Здѣсь кстати необходимо мимоходомъ замѣтить, что Л. Толстой, въ своей борьбѣ съ эгоизмомъ (которымъ онъ всю жизнь жилъ, по его сознанію) заходитъ такъ далеко, что подводитъ подъ понятіе эгоизма даже христіанское ученіе о личномъ спасеніи человѣка. Но это противорѣчіе ему самому. Считая необходимымъ каждому физическимъ трудомъ служить ближнему, не считаетъ же онъ эгоистическимъ стремленіе человѣка быть здоровымъ физически, чтобы быть способнымъ работать для другого, и знать напр. извѣстное ремесло, которому еще надо научиться, чтобы съ пользою прилагать къ дѣлу

свои физическія силы? Не считаетъ же онъ эгоистическимъ пріятное ощущеніе жизни, которымъ сопровождается чувство физическаго здоровья? Почему же заботу христіанина о своемъ личномъ спасеніи, о нормальномъ ходѣ своей духовно-нравственной жизни, считаетъ онъ эгоистической, когда она предпринимается во имя служенія человѣчеству? Эгоистично ли это чувство блаженства, которымъ сопровождаются естественно моменты его духовно-нравственнаго развитія? Даже къ конечной цѣли христіанской жизни,—благу личнаго общенія со Христомъ,—христіанинъ проходитъ не путемъ эгоизма, который душитъ все на пути, а путемъ самоотверженной любви, которая спасаетъ, т. е. направляетъ къ той же цѣли личнаго блага и своихъ ближнихъ. Л. Толстой не хочетъ понять, что безъ личнаго спасенія, безъ личнаго усовершенствованія не можетъ быть и рѣчи о служеніи ближнему, какъ дѣятельности, которая можетъ вытекать и плодотворно осуществляться только на основѣ личнаго въ извѣстной степени нравственнаго совершенства. Съ этой задачей личнаго совершенства связана и изъ нея вытекаетъ другая жизненная задача каждаго христіанина.

Мы видѣли, что любовь христіанина ко Христу естественно порождаетъ въ немъ непреодолимое стремленіе къ тому, чтобы подражать Ему, исполнять Его заповѣди, какъ законъ Его воли.

Во Христѣ онъ познаетъ осуществленный нравственный идеалъ благости и любви, и онъ всею силою любви влечется къ осуществленію въ своей жизни идеальныхъ чертъ Его земной жизни. Но чѣмъ, какъ не самоотверженною любовію и милосердіемъ, чѣмъ, какъ не дѣятельнымъ служеніемъ грѣшному и страдающему человѣчеству, чѣмъ, какъ не любовію, приведшею Его даже до Креста, до положенія жизни своей за „други своя“ запечатлѣлъ Онъ свою земную жизнь, какъ воплощеніе идеала любви? Отсюда христіанинъ призывается къ всесторонней и самоотверженной дѣятельности на пользу ближняго, къ широкому и плодотворному любовному служенію матеріальному и духовному благу своего ближняго, широкой и всесторонней общественной задачѣ жизни. Отсюда вторая заповѣдь, подобная первой: „возлюби ближняго своего, какъ самаго себя“.

Любовь ко Христу естественно порождаетъ и любовь къ ближнему. Если Богъ—отецъ нашъ, а мы Его дѣти, то всѣ мы братья, и всѣ мы призываемся къ взаимной братской любви. „Сія есть заповѣдь моя, да любите другъ друга. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто душу свою положитъ за друзей своихъ“. Эта любовь къ ближнимъ, какъ выраженіе любви ко Христу, изъ которой она проистекаетъ и въ которой находитъ свою основу и силу, нигдѣ не раскрывается такъ, какъ въ трогательныхъ, запе-

чатлѣнныхъ нѣжною любовію, посланіяхъ любимаго ученика Христова, апостола любви, св. Іоанна. „Любовь познали мы въ томъ, что Онъ (Христосъ) положилъ за насъ душу свою; и мы должны полагать души за братьевъ своихъ". „Кто говоритъ, что любитъ Бога, а брата своего не любитъ, тотъ ложь, и истины нѣтъ въ немъ. Кто говоритъ, что пребываетъ во Христѣ. тотъ долженъ поступать такъ, какъ Онъ поступалъ. Не любящій брата пребываетъ въ смерти, потому что не познялъ свѣта, который есть любовь. Кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, и видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое, какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія"? И отсюда—одинъ основной и трогательный мотивъ его проповѣди, которой онъ не переставалъ повторять уже слабѣющимъ отъ глубокой старости языкомъ: „дѣти, любите другъ друга".

Но вѣра и любовь ко Христу не только психологически обусловливаютъ, какъ естественный свой плодъ, любовь къ ближнему, но можно сказать, что эта любовь къ ближнему, которая въ свою очередь есть основа всякой одушевленной дѣятельности, направленной къ матеріальному и духовному благу ближняго, возможна только, какъ устойчивое настроеніе, а не какъ вѣчно волнующееся и колеблющееся чувство, только въ христіанствѣ. Только христіанство на религіозныхъ основахъ своего уче-

нія можетъ установить ученіе о всеобщемъ братствѣ людей. Только оно своимъ возвышеннымъ ученіемъ о безсмертной душѣ человѣка, его вѣчномъ предназначеніи, о любви Христа къ человѣчеству, въ которомъ каждая отдѣльная душа носитъ отображеніе образа и подобія Божія и искуплена драгоцѣнною кровію Положившаго Себя за други своя, — только оно можетъ предписывать самоотверженную любовь къ ближнимъ во имя братства человѣчества по творенію и искупленію. Только во Христѣ всѣ люди братья; только, вѣруя во Христа, можно познать во всякомъ человѣкѣ его достоинства, открыть чрезъ духовное пониманіе, съ которымъ связывается любовь, то, что во всякомъ человѣкѣ стоитъ нашей любви и милосердія. Вотъ почему христіанство и требуемое имъ нравственное совершенство не могутъ остаться при одной только любви, которая отвѣчаетъ на любовь другого, загорается отъ любви другого. Такъ легко любить, и главнымъ образомъ потому, что съ этой любовью соединяется самолюбивое и эгоистическое желаніе получить благо отъ любящаго и любимаго человѣка. Но, что трудно, что кажется даже невозможнымъ и неестественнымъ для непросвѣщеннаго свѣтомъ христіанской вѣры сознанія, это любовь къ тому, что противно нашему самолюбію, любовь къ людямъ, которые оскорбляютъ и отталкиваютъ насъ,—къ мытарямъ и грѣшникамъ, къ

нашимъ личнымъ врагамъ. Но когда сердце не можетъ любить само собою, оно должно любить и любитъ во имя Христово. Мы любимъ во имя Божіе, когда убѣжденіе въ высокомъ призваніи каждаго человѣка и всего человѣчества вдыхаетъ въ наше сердце свободное, дѣятельное и плодотворное сочувствіе, которое не только не отвращается отъ всякаго грѣшника, а напротивъ ищетъ ихъ, чтобы спасти ихъ. Мы любимъ во имя Христово, когда, чувствуя прощеніе, дарованное намъ Богомъ, не смотря на нашу грѣховность, прощаемъ нашимъ врагамъ, и стараемся дѣлать имъ добро, съ вѣрою въ побѣждающую и спасающую силу любви. Мы любимъ во имя Христово, когда, встрѣчая холодность и недоступность, даже вражду, настойчиво предлагаемъ свое сочувствіе и не позволяемъ угаснуть въ нашемъ сердцѣ священному огню милосердія. Такъ становится возможною и естественною въ сердцѣ христіанина любовь ко врагамъ во имя Христово.

И такъ, христіанинъ самой вѣрой во Христа призывается къ самоотверженному любовному служенію на пользу ближняго. Этимъ ли не указывается полнѣе и шире, чѣмъ гдѣ либо, другая жизненная задача личной жизни человѣка всѣми мѣрами содѣйствовать матеріальному и духовному благу ближняго? Не въ христіанствѣ ли указывается такимъ образомъ плодотворная задача служенія общественному бла-

гу, которое на такихъ сомнительныхъ началахъ проповѣдуютъ нравственныя системы принципа общественнаго блага?

Но въ христіанствѣ ни личность не подавляется подъ игомъ служенія общественному благу, ни общественное благо не приносится въ жертву личности. Интересы личности и общественнаго блага въ немъ связаны неразрывно, такъ что ни задача личнаго спасенія не можетъ быть осуществлена безъ служенія общественному благу, ни служеніе общественному благу невозможно безъ извѣстной степени духовнаго совершенства. Первое, служеніе благу ближнихъ, благу общества, какъ мы видѣли, вытекаетъ непосредственно изъ задачи личнаго нравственнаго усовершенствованія человѣка. Теперь мы покажемъ, что служеніе благу ближнихъ было невозможно безъ нѣкоторой степени духовнаго совершенства, достигнутаго на пути къ осуществленію задачи личнаго спасенія.

Истинно-христіанское дѣло можетъ быть плодомъ только истинно-христіанскаго настроенія. „Порожденія ехидны, укоряетъ Господь фарисеевъ, какъ вы можете творить доброе, будучи злы? Добрый человѣкъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе, а злой человѣкъ изъ злого сокровища выноситъ злое. Собираютъ ли съ терновника виноградъ или съ репейника смоквы“, спрашиваетъ въ другомъ мѣстѣ Христосъ, и отвѣчаетъ: „не можетъ дерево худое

приносить плоды добрые". И такъ, истинно-христіанское дѣло должно проистекать изъ внутренняго настроенія любви, какъ нѣкоторой степени духовнаго совершенства. Если возможна бываетъ благотворительность и не на основѣ такого духовнаго настроенія любви, то она вытекаетъ изъ какихъ — либо побужденій не истинно-нравственнаго характера. Бываетъ благотворительность безъ души, безъ сердца, холодомъ обдающая душу получающаго помощь. Бываетъ благотворительность, соединенная съ самоуслажденіемъ самолюбія. Такое дѣло теряетъ характеръ добраго, и хотя приноситъ долю внѣшней пользы, но не можетъ быть устойчивой ни въ жизни себялюбиваго благотворителя, ни плодотворно вліяющей на благотворимаго. Тѣмъ болѣе такая любовь не можетъ дойти до самоотреченія, потому что ея основой служитъ самолюбіе, которое жертвуетъ такъ, чтобы не страдали интересы личности. Вотъ почему ап. Павелъ считаетъ ничѣмъ, нравственною ничтожностію того, кто, хотя раздалъ бы свои имѣнія, но не имѣетъ въ себѣ любви. Истинная благотворительность, проистекающая изъ сердца, объятаго любовію, не только облегчаетъ матеріальную или тѣлесную нужду ближняго, но и входитъ въ духовное пониманіе его интересовъ, сближается съ нимъ, духовно вліяетъ на него, успокоивая его смятенный житейскимъ горемъ духъ лаской любящаго сердца, какъ бы

возрождая его творческою силою любви. Вотъ почему Л. Толстой, желавшій благотворить московской нищетѣ одними деньгами, на почвѣ одного естественнаго состраданія, не одухотвореннаго и не возвышеннаго на степень любви къ ближнему, убѣдился, что деньгами не поможешь и не сблизишься съ людьми, но что для этого нужна какая-то внутренняя, сближающая благотворителя съ благотворимымъ сила. Но если настроеніе любви, какъ извѣстная степень духовнаго совершенства, необходима тамъ, гдѣ требуется одна внѣшняя и матеріальная благотворительность, то тѣмъ болѣе оно необходимо тамъ, гдѣ дѣло идетъ о духовной и нравственной помощи ближнему. Если легко иногда отказаться отъ части матеріальныхъ благъ для ближняго, то безконечно труднѣе и для человѣка, не стязавшаго извѣстной степени духовнаго совершенства, совершенно невозможно поставить себѣ душу ближняго столь близкою сердцу, что его духовное благо, его спасеніе отъ нравственнаго зла, становится предметомъ самыхъ нѣжныхъ и усиленныхъ заботъ сердца. Таковы дѣла благотворительности духовной, исцѣленіе страданій чисто духовныхъ, происходящихъ изъ внутреннихъ источниковъ больнаго нравственно-человѣчества: таковы ободреніе унывающихъ и отчаявшихся, вразумленіе согрѣшающихъ, убѣжденіе невѣрующихъ, спасеніе погибающихъ отъ потери вѣры въ Бога, людей и жизнь

и т. п. Если въ этихъ случаяхъ не помогаютъ никакія внѣшнія мѣры, къ какимъ только способны люди, не имѣющіе въ себѣ духовной силы любви, то оказать такія духовныя благодѣянія, по скудости своихъ духовныхъ силъ, они совершенно не способны. Только любовь, какъ духовная сила, можетъ творить такія дѣла духовной милости.

Но любовь, какъ духовное настроеніе, обнимающее все существо человѣка, основанная на духовномъ пониманіи ближняго, полная пламеннаго сочувствія и стремящаяся къ дѣятельному проявленію даже до самоотреченія,—такая любовь не является въ человѣкѣ сразу, а создается въ немъ и ростетъ постепенно, рядомъ духовныхъ усилій, мучительнымъ путемъ внутренной работы, ростетъ безконечно по мѣрѣ духовнаго совершенствованія человѣка, которое, начинаясь здѣсь на землѣ, завершается въ жизни вѣчной. Можно сказать, что для христіанина самое понятіе духовнаго совершенства, которое онъ воплощаетъ во Христѣ, совпадаетъ съ понятіемъ любви, ибо Богъ есть любовь, и уподобленіе Богу есть уподобленіе любви Его.

Нужно ли говорить о тѣхъ препятствіяхъ, какія предстоятъ человѣку на этомъ пути къ духовному совершенству въ самыхъ свойствахъ его поврежденной грѣхомъ природы, въ томъ трагическомъ разладѣ его духа, который апостолъ Павелъ выразилъ въ своемъ ученіи о

борьбѣ въ человѣкѣ закона ума и духа съ закономъ плоти: не то, что хочу доброе, творю, а то, чего не хочу, злое—то дѣлаю? Одинъ изъ моихъ предшественниковъ по чтеніямъ уже достаточно разъяснилъ передъ вами сущность христіанскаго ученія о грѣхопаденіи человѣка и о послѣдствіяхъ его для духовно-нравственной жизни человѣка, и я не имѣю причинъ и времени останавливаться на немъ подробно. *) Я укажу то, что нужно для моихъ цѣлей. Л. Толстой не признаетъ силы живущаго въ человѣкѣ грѣха: человѣкъ всегда, по его мнѣнію, былъ такимъ же, какъ и теперь, и возмущается ученіемъ Церкви о паденіи человѣка, видя въ этомъ поблажку стремленіямъ человѣка жить дурно. Но какъ глубоко онъ ошибается! Личный опытъ каждаго человѣка свидѣтельствуетъ о силѣ живущаго въ насъ грѣха и эгоизма, который ухитряется примѣшаться къ самымъ возвышеннымъ и чистымъ нашимъ побужденіямъ; личный опытъ каждаго, удостовѣренный свидѣтельствомъ великихъ подвижниковъ христіанства, свидѣтельствуетъ о полномъ безсиліи человѣка въ борьбѣ съ низкими началами своей эгоистической природы, и христіанство объясняетъ только этотъ фактъ, ничѣмъ

*) Свящ. І. В. Арсеньевъ въ чтеніи о грѣхопаденіи человѣка.

необъяснимый кромѣ его ученія. Но, указывая человѣку на его личное безсиліе, христіанство обращаетъ взоръ человѣка къ высшей волѣ и силѣ и въ ученіи объ искупленіи и возрожденіи человѣка даетъ утѣшеніе, ободреніе и оптимистическую надежду сознающему свое нравственное безсиліе человѣку. То, что невозможно для усилій естественнаго человѣка, что, поднятое во имя вѣры въ себя, потомъ разбивается о дознанное опытомъ безсиліе, повергая человѣка въ безъисходное отчаяніе, — борьба съ эгоизмомъ возможною становится для возрожденнаго свободно благодатію Христовою христіанина. Христосъ жизни грѣховной и плотской, которая становится центромъ согрѣшившаго человѣка, противополагаетъ возсозданную, возрожденную духовную жизнь. Духовныя силы человѣческой личности подъ воздѣйствіемъ благодати св. Духа возсозидаются: самосознаніе и разумъ благодатно просвѣтляются сознаніемъ истинныхъ цѣлей жизни духовной; свободная воля, немощная въ падшемъ человѣкѣ, благодатно укрѣпляется въ борьбѣ со злыми наклонностями грѣховной природы; тѣло становится послушнымъ орудіемъ духа; порабощенный дотолѣ стихіями міра человѣкъ, рабъ плоти и грѣха, освобождается отъ этого позорнаго рабства и дѣлается сыномъ Божіимъ, для котораго работа въ дому Божіемъ становится свободной и пріятной, подобно тому, какъ хорошему сыну

не тяжела работа въ домѣ отца. *) Такъ одушевляется въ христіанствѣ личный нравственный міръ каждаго человѣка, такъ укрѣпляется личная нравственная энергія на пути къ достиженію личной цѣли каждой жизни—духовному совершенству въ общеніи со Христомъ. Это невозможно безъ участія человѣческой свободы, и эта свобода не иллюзія, какъ утверждаетъ Л. Толстой, а основное предположеніе всякой этики и необходимое предположеніе нравственности христіанской.

И такъ, истинно-христіанская дѣятельность на пользу ближняго невозможна безъ внутренняго настроенія любви, а это настроеніе любви, какъ плодъ вѣры во Христа и стремленія къ личному духовному совершенству, невозможно безъ нравственныхъ усилій, безъ осуществляемой задачи личнаго спасенія. По мѣрѣ возрастанія духовной жизни, которая загорается на развалинахъ жизни плотскаго человѣка, возрастаетъ въ человѣкѣ любовь, и сперва робкая, смутная, колеблющаяся препятствій и сопротивленія, она потомъ загорается яркимъ пламенемъ, становится двигателемъ воли, смѣло побѣждающимъ препятствія, и основой устойчивой, непрерванной, полной вѣры въ свою побѣдоносность христіанской дѣятельности. Она доходитъ, такимъ образомъ, до

*) Прав. обозр. 1891, II. I, стр. 367.

полнаго самоотреченія, не того, которое бываетъ иногда и у не проникнутаго христіанскою любовію благотворителя, не того, которое выражается только въ жертвахъ внѣшнихъ, въ жертвахъ матеріальными благами, а того, великаго по своей полнотѣ самоотреченія, когда человѣкъ всю свою богатую духовно личность, все свое существо, дошедшее до извѣстной степени духовнаго совершенства, жертвуетъ на всяческое благо ближняго, жертвуетъ во славу Божію, будутъ ли это двѣ лепты евангельской вдовы или алавастръ съ драгоцѣннымъ мvромъ.

Но этотъ высшій подвигъ, невозможный для естественнаго человѣка, въ которомъ не преобѣждена сила эгоизма, эта жертва самоотреченія есть явленіе высшей ступени его уподобленія Христу, есть одинъ изъ моментовъ осуществленія идеала личнаго совершенства человѣка, есть яркое выраженіе его нравственной энергіи, и потому осуществленіе, одновременно съ жертвой, личнаго смысла жизни... Вотъ для стяжанія этой духовной силы самоотреченія, которою всегда и вездѣ совершалось все великое въ мірѣ и исторіи, удалялись отъ міра св. подвижники, чтобы, въ удаленіи отъ міра съ его шумнымъ потокомъ грѣховной жизни, въ подвигахъ борьбы съ плотію и пламенной молитвы, стяжать въ себѣ духовныя силы самоотверженнаго человѣколюбія. Но они удалялись отъ міра, чтобъ соединиться съ нимъ (по выраженію св. Мака-

рія) въ любви ко всему, что въ мірѣ требовало ихъ заботъ и служенія. Они не только были великими молитвенниками за міръ, что для вѣрующаго есть великое дѣло человѣколюбія; они не только были свѣточами нравственно высокой жизни для міра, забывавшаго свои истинныя задачи и цѣли, живою проповѣдью христіанскаго идеала; они были дѣйствительными искренними служителями общественнаго блага, духовнаго и матеріальнаго. Съ извѣстной степенью достигнутаго ими духовнаго совершенства начиналась ихъ слава въ мірѣ, которая росла тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе они отъ нея бѣжали. Толпы людей притекали къ нимъ съ своими думами, болѣзнями и скорбями, и никто не уходилъ безъ духовнаго утѣшенія. Но столь же дороги были и матеріальныя нужды приходящихъ для служителей христіанской идеи. Однихъ они располагали къ благотворительности, другимъ благотворили сами, спасая души, иногда спасали и земное благоденствіе. Но, что всего важнѣе, они спасали души для вѣчности, служили нравственному прогрессу человѣчества. Чтоже общаго между этими учениками Христа и учениками Л. Толстаго съ ихъ мнимо—доброю, мнимо—возвышенною, но лишенною духовной силы любви, внѣшнею дѣятельностію, имѣющею только временные интересы преходящей по ученію Толстого личности съ эгоистическими цѣлями ея плотскаго существованія?

Съ точки зрѣнія идеала духовнаго совершенства въ общеніи со Христомъ, какъ истинной цѣли истинно человѣческаго существованія, всѣ явленія жизни получаютъ полный смыслъ и значеніе. Отъ насъ зависитъ, чтобы все, что ни случалось съ нами въ жизни,—счастіе, и несчастіе, печаль и радость, страданіе и наслажденіе, все обращалось при содѣйствіи благодатной помощи Божіей на пользу нашего внутренняго духовно-нравственнаго развитія и усовершенствованія, которое одно только имѣетъ цѣну и значеніе само по себѣ. Всѣ стороны человѣческой дѣятельности освящаются и получаютъ значеніе, какъ средства къ посильному осуществленію этой главной цѣли жизни, и сохраняютъ свое значеніе лишь постольку, насколько онѣ содѣйствуютъ ея осуществленію. Наука, искусство, промышленность, въ обширномъ смыслѣ этого слова, получаютъ свое существенное значеніе только въ той мѣрѣ, насколько они служатъ дѣлу нравственнаго и духовнаго развитія человѣчества т. е. насколько ихъ дѣятельность вызывается искреннимъ исканіемъ истины и насколько она проникнута теплою любовію къ ближнимъ, человѣчеству. Нѣтъ такого дѣла, въ которомъ человѣкъ не служилъ бы истинѣ и любви. Каждый человѣкъ, по мѣрѣ его духовнаго дарованія, большой и малый, умный и глупый, богатый и бѣдный, слабый и сильный—всѣ призываются къ осу-

ществленію великой задачи личнаго спасенія и соединеннаго съ нимъ служенія духовно-нравственному развитію человѣчества. *) То, что всѣмъ инстинктивно представляется какъ необходимый идеалъ индивидуальной и общественной жизни, непрерывный нравственный прогрессъ есть плодотворная задача, вытекающая именно изъ христіанскаго взгляда на цѣли и задачи жизни. Такъ, взаимными усиліями взаимной любви, объединенное общимъ стремленіемъ къ благу вѣчности, ростетъ на землѣ духовно усовершающееся человѣчество, будущее братство вѣчнаго царства Божія на новой землѣ подъ новымъ небомъ.

Остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи христіанства къ вопросу о счастіи. Несмотря на то, что христіанство есть благовѣстіе о вѣчной жизни и потому не ставитъ счастія непосредственною цѣлію жизни, оно однако болѣе чѣмъ всякая другая теорія счастія даетъ основы и содержаніе истинному, возможному на землѣ человѣческому счастію. Для всякаго служителя христіанской идеи это счастіе является субъективно, какъ нѣкоторое чувство блаженства, которымъ сопровождается каждый актъ его богоуподобленія или каждый актъ его духов-

*) См. Ѳ. Г. Тернера. „Христіанское воззрѣніе на жизнь въ сравненіи съ философскимъ оптимизмомъ и пессимизмомъ.“ Соч. 1879. стр. 65 и др.

наго совершенствованія на пути къ достиженію окончательной цѣли его стремленія — личнаго общенія съ Источникомъ всякаго блаженства, Христомъ, вѣчною, чистою и высшею Любовію. Это чувство блаженства есть какъ бы слабое предвкушеніе того духовнаго блага, которымъ для христіанина естественно сопровождается свободное и личное общеніе съ Христомъ, его единственнымъ благомъ, поскольку это благо достигается уже здѣсь на землѣ въ общеніи вѣры и любви. Это—то блаженное чувство, которое естественно объемлетъ человѣка, когда царство Божіе зарождается въ сердцѣ его, „внутрь его", на развалинахъ его прежней полной муки и ужасовъ грѣха жизни и когда близость Христа душѣ его, по мѣрѣ очищенія его сердца, естественно проявляется въ чувствѣ мира, сладкаго ощущенія зарожденія новой жизни, небесной и блаженной, радости о Духѣ святомъ. Вотъ почему дошедшій до высокаго духовнаго состоянія христіанинъ и въ своемъ отношеніи къ земнымъ благамъ или благамъ своей тѣлесной природы умѣетъ стоять на правильной точкѣ зрѣнія, внушаемой ему его вѣчными цѣлями. Земныя блага цѣнны для него лишь постольку, поскольку онѣ являются средствами для духовно-нравственнаго развитія его личности и сопряженнаго съ нимъ служенія духовному и матеріальному благу ближняго. Поэтому христіанство во всѣ явленія человѣческой жиз-

ни вноситъ струю небесной жизни, одухотворяя всѣ земныя радости и дѣлая изъ нихъ источникъ здоровыхъ и благородныхъ наслажденій, и оплодотворяя всѣ проявленія его разумной природы (научные труды, служеніе обществу, искусству и др.) высшими цѣлями любви къ истинѣ, правдѣ и красотѣ. По мѣрѣ своего духовнаго возрастанія самъ достигая того удивительнаго и непонятнаго для міра состоянія, когда, по описанію ап. Павла, онъ въ страданіяхъ радуется, злословимъ — благословляетъ, гонимъ—терпитъ, хулимъ - утѣшается, спокойно переноситъ голодъ, и жажду, и наготу, и побои, и скитаніе,—христіанинъ въ тоже время призывается всѣми усиліями самоотверженной любви служить духовному благу и счастію ближняго. Самъ полный возможнаго на землѣ счастья, мира вѣры и любви, христіанинъ всюду стремится своею любовью внести счастіе и и въ жизнь окружающихъ. Любовь истиннаго христіанина всюду разливаетъ лучи утѣшенія, ободренія и нравственной поддержки. Болѣть и страдать легче тамъ, гдѣ всегда находится милосердая христіанская любовь съ ея нѣжнымъ уходомъ и ласковымъ словомъ успокоенія и утѣшенія. Никакая матеріальная нужда въ христіанскомъ обществѣ не остается неудовлетворенной. Такъ взаимными усиліями одушевленныхъ взаимною любовію христіанъ, успѣвшихъ побѣдить въ себѣ ложную любовь къ благамъ

іра, созидается и земное благосостояніе хри-
стіанскаго общества. Въ этомъ отношеніи див-
ное зрѣлище перво-христіанской общины, когда
составлявшіе ее христіане имѣли въ общеніи
любви одну душу и одно сердце и когда сво-
бодныя жертвы матеріальными благами сдѣла-
ли то, что среди нихъ не было бѣдныхъ, — въ
томъ отношеніе дивное зрѣлище перво-христі-
анской общины навсегда останется поучитель-
нымъ для всѣхъ вѣковъ и для нынѣшняго
времени, особенно, когда всѣ возбуждены предъ
лицомъ все болѣе и болѣе обостряющагося соці-
ально-экономическаго вопроса. Не въ этомъ ли
оскудѣніи взаимной любви источникъ всѣхъ
тихъ золъ, и не въ христіанскомъ ли возрож-
деніи вѣры и любви—источникъ спасенія? Однѣ
нѣшнія реформы приведутъ ли къ желанной
цѣли, если не будетъ идти въ умахъ и серд-
цахъ внутренняя работа духовнаго обновленія
и возрожденія?

Такъ воодушевляемый вѣчными цѣлями, пол-
ный разумнаго дѣла и содержанія, живетъ на
землѣ христіанинъ, по мѣрѣ своего дарованія,
таланта, осуществляя въ теченіе своей жизни
задачу личнаго самоусовершенствованія и со-
диненнаго съ нимъ любовнаго служенія духов-
ному и тѣлесному благу ближняго, воодуше-
ляемый вѣрой въ торжество идеала, побѣду
истины и добра надъ ложью и грѣхомъ, содѣй-
ствуя нравственному прогрессу общества и самъ

усовершаясь отъ него. Ничто не въ силахъ остановить этого процесса его духовнаго усовершенствованія, который начался въ немъ какъ живой плодъ живой вѣры въ Бога и пламенной любви ко Христу, ибо ничто, по слову апостола Павла, не можетъ разлучить христіанина отъ любви Божіей,—ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненіе, ни голодъ, ни опасность, ни мечъ, ни настоящее, ни будущее, ни высота ни глубина, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни какая другая тварь, ни самая смерть. Да, ни самая смерть. Именно только въ христіанинѣ возможно это безстрашіе предъ лицомъ смерти, эта спокойная встрѣча смертнаго часа, это спокойное прощаніе съ жизнію и ея радостями. Смерть для него есть рожденіе въ вѣчность, въ которой для христіанина осуществляется то истинное и вѣчное благо, къ которому онъ стремился и стремленіе къ которому руководило всею его земною жизнію. Благодарно взирая на то, что христіанская вѣра не дала ему безсмысленно и безплодно прожить земную жизнь, съ живой вѣрой въ любовь Христа и Его милосердіе онъ привѣтствуетъ рождающуюся для него вѣчность, въ которой ему въ сіяніи безсмертія видится торжество истины, добра и красоты, гдѣ у источника всякаго блага будетъ разрѣшено и удовлетворено все, недостаткомъ и неполнотой чего томилась здѣсь, на землѣ, его стремившаяся къ вѣчному благу душа. Смерть

е уничтожаетъ для христіанина смысла его изни, но открываетъ врата вѣчности, царства ѣчной неумирающей любви, въ которомъ въ бщеніи съ Богомъ и людьми, которыхъ онъ лю-илъ, довершится все, что не могло быть до-тигнуто при земныхъ условіяхъ и стремленіе ъ чему составляло смыслъ его жизни земной.

Съ этими индивидуальными цѣлями каждой еловѣческой личности совпадаетъ и истинная ѣль жизни человѣчества. Нравственный про-ессъ, какъ необходимое условіе жизни от-ѣльныхъ человѣческихъ единицъ и всего че-овѣчества, какъ ихъ совокупности, въ лонѣ ѣчности,—вотъ цѣль земной исторіи и жизни еловѣчества. Каждый человѣкъ, каждое поко-ѣніе, каждая эпоха, каждая народность при-ывается къ одушевленной работѣ на пользу равственнаго прогресса, и конецъ исторіи и еловѣчества есть только начало новой жизни уховно-усовершеннаго человѣчества на новой емлѣ, подъ новымъ небомъ, гдѣ завершатся и олучатъ удовлетвореніе всѣ высшія цѣли, ко-орыми жило и дышало человѣчество,—въ бу-ущемъ царствѣ Божіемъ.

Такъ христіанство указываетъ, и оно одно олько можетъ указать, полный разумности и равственнаго величія смыслъ человѣческой изни, который не уничтожается ни смертію ля каждой отдѣльной человѣческой личности, ни концомъ исторіи — для всего человѣче-

ства. Насколько жизненно и плодотворно был
это ученіе въ жизни человѣчества, на это точ
ный и краснорѣчивый отвѣтъ даетъ исторі
христіанства, которое своимъ животворным
вліяніемъ отразилось въ дѣятельности даж
тѣхъ, кто отрицаетъ свое дѣйствительное ду
ховное родство съ ученіемъ Христовымъ.

III.

Мы изложили параллельно два ученія о смыслѣ человѣческой жизни,—ученіе Л. Толстого, которое онъ выдаетъ за истинно-христіанское, и то, какое содержится, по нашему крайнему разумѣнію, въ истинномъ, не искаженномъ Толстовскимъ анализомъ Христовомъ Евангеліи. Предоставляя самимъ слушателямъ рѣшать, на чьей сторонѣ преимущество полноты, разумности и нравственнаго величія,—мы сдѣлаемъ теперь, въ заключеніе, общую оцѣнку нравственной философіи Л. Толстого и ея значенія для современной мысли и современнаго общества. Здѣсь мы приходимъ къ такимъ результатамъ, которые мы уже имѣли честь излагать въ печати.

Чудная христіанская мораль, такъ гармонически связанная съ христіанской догматикой, отрѣшается отъ этой родной почвы и въ своемъ новомъ метафизическомъ освѣщеніи теряетъ

не только христіанскій, но и вообще нравствен
ный характеръ. Мораль безъ нравственно
личности и нравственнаго идеала, какъ един
ственной цѣли всякой нравственной дѣятел
ности,—своеобразное смѣшеніе нравственных
задачъ съ соціологическими мечтаніями, -
странная смѣсь аскетизма, утилитаризма и эвде
монизма, — счастье вмѣсто добра, матеріально
довольство вмѣсто нравственнаго совершен
ства,—внѣшніе рецепты вмѣсто заповѣдей лич
наго совершенства и спасенія,—безсмысленны
конецъ человѣческой исторіи и нравственнаг
процесса—вотъ основныя черты того нравствен
наго ученія, которое предлагается намъ под
видомъ христіанской морали. Умъ, отказавшій
ся отъ христіанской догматики и замѣнившій
ее самымъ непослѣдовательнымъ пантеизмомъ
потерпѣлъ роковую неудачу. Онъ не только
породилъ удивительную смѣсь непримиримыхъ
противорѣчій, психологическихъ и метафизи
ческихъ нелѣпицъ *), но и сдѣлалъ все, чтобы
выработанная имъ мораль не имѣла успѣха и
долговѣчности.

Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ принять запо
вѣдь о любви къ ближнему въ томъ освѣще
ніи, какое далъ яснополянскій моралистъ-фи
лософъ?

---

*) См. нашу брошюру: *Л. Н. Толстой, какъ мыслитель—моралистъ*, откуда заимствованы нами послѣднія страницы.

Не приметъ ея, прежде всего, то множество христіанъ, которые еще вѣруютъ въ христіанскіе догматы и въ вѣрѣ во Христа находятъ какъ лучшія основанія и побужденія любить ближняго, такъ и величайшій нравственный, не уничтожаемый смертію смыслъ жизни. Перемѣна этими вѣрующими ихъ идеаловъ на идеалы Л. Толстого будетъ непонятной перемѣной высшаго идеала на низшій и на эту перемѣну не согласится ни одинъ истинно вѣрующій.

Въ этомъ отношеніи для вѣрующаго христіанина всегда будутъ полны правды и смысла слова поэта:

Измученный жизнію суровой,
Не разъ я себѣ находилъ
Въ глаголахъ Предвѣчнаго Слова
Источникъ покоя и силъ.
Какъ дышатъ святыя ихъ звуки
Божественнымъ чувствомъ любви,
И сердца тревожнаго муки
Какъ скоро смиряютъ они.
Здѣсь все въ чудно – сжатой картинѣ
Представлено Духомъ Святымъ:
И міръ, существующій нынѣ,
И Богъ, управляющій имъ,
И Сущаго въ мірѣ значенье
Причина, и цѣль, и конецъ,
И вѣчнаго Сына рожденье,
И крестъ и терновый вѣнецъ.
Какъ сладко читать эти строки,
Читая молиться въ тиши,
И плакать, и черпать уроки
Изъ нихъ для ума и души!

Не примутъ нравственнаго ученія Л. Толстого и множество современныхъ себялюбцевъ, всѣми мѣрами культивирующихъ свой эгоизмъ и живущихъ на счетъ благоденствія ближнихъ. На почвѣ самой философіи Л. Толстого они могутъ прекрасно обосновать свою мораль эгоизма, прицѣпившись къ его ученію о животной личности съ присущимъ ей эгоизмомъ, какъ временной оболочкѣ частицы всеобщаго безличнаго разума. Прекрасно достигая личнаго счастія на счетъ благоденствія другихъ, они не найдутъ въ морали Л. Толстого побужденій къ отреченію отъ личнаго блага, и ихъ нельзя обмануть утопической картиной счастья человѣчества, когда оно будетъ удѣломъ одного поколѣнія, ради котораго безсмысленно трудилось все человѣчество до него. Эти эгоисты прекрасно разберутся въ психологическомъ и метафизическомъ мусорѣ, которымъ окружена предлагаемая имъ мораль, и они слабость обоснованія морали съ радостію перенесутъ на самую мораль. И нельзя не сказать, что Л. Толстой сдѣлалъ безсознательно все, чтобъ дать ликовать многимъ представителямъ морали эгоизма.

Не примутъ нравственнаго ученія Л. Толстого и тѣ, кто, извѣрившись въ необходимость религіозной санкціи для морали, пытаются построить ее или на метафизическихъ основахъ или на основаніяхъ точной науки. Для

первыхъ жалкой покажется метафизика Л. Толстого, представляющая воскрешеніе стараго метафизическаго хлама въ обстановкѣ парадоксовъ и противорѣчій, и они, даже при склонности своего сердца къ самоотверженной любви, постараются подыскать для нея болѣе надежныя и крѣпкія метафизическія основанія. Для враждебныхъ всякой метафизикѣ представителей „научной“ этики нравственное ученіе Л. Толстого явится новымъ и блестящимъ доказательствомъ того вреда, какой происходитъ въ области нравственныхъ вопросовъ отъ вторгающагося сюда метафизическаго тумана, и они станутъ только пожимать плечами, слушая философствованія геніальнаго художника. Подобное отношеніе ихъ къ Л. Толстому тѣмъ понятнѣе, что заповѣдь о любви къ ближнему съ ихъ точки зрѣнія гораздо научнѣе обоснована Контомъ, Миллемъ и др. представителями морали альтруизма.

Остаются люди, не имѣющіе никакихъ религіозныхъ убѣжденій, но ищущіе нравственнаго смысла и нравственной задачи въ жизни. Можетъ быть, неудовлетворяемые никакими существующими нравственно-философскими ученіями, они съ жаромъ примутся за изученіе нравственныхъ воззрѣній всѣми любимаго художника. Можетъ быть, ихъ преклоненіе предъ личностію автора разсматриваемой морали, при извѣстной склонности ихъ сердца къ самоот-

верженію и любви, сдѣлаетъ ихъ поклонниками и новаго ученія. Пусть даже первое впечатлѣніе отъ метафизическихъ основъ новой морали, когда благоговѣніе передъ любимымъ художникомъ не даетъ мѣста критическому анализу, не выразится безпощаднымъ приговоромъ ихъ неосновательности; пусть такъ, но дальнѣйшая работа критическаго ума, не слишкомъ легко и не безъ борьбы оправдывающаго увлеченія сердца, разберетъ всю метафизическую паутину и, оставивъ нетронутой одну лишь формулу заповѣди о любви, или породитъ разладъ между собою и сердцемъ или попытается подыскать новыя основанія для оправданія благородныхъ стремленій сердца. Для сердца, которое склонно скорѣе къ эгоизму, эта критическая работа ума можетъ закончиться ниспроверженіемъ принятой морали, если только она можетъ быть принята такими сердцами; сердце, жаждущее любви и самоотверженія, въ самой этой потребности любви будетъ искать основаній любить больше и больше, и для него метафизика Л. Толстого будетъ лишь временной теоретической основой его природной склонности, замѣной отсутствія какихъ бы то ни было убѣжденій.

Да, временной, ибо немного нужно имѣть критическаго ума, чтобы разобраться въ своеобразно сплетенной философіи Л. Толстого. Для нихъ, ученіе Л. Толстого будетъ не болѣе какъ

ихъ„возвышающимъ обманомъ“,возвышающимъ, ибо лучше имѣть хотя такія воззрѣнія, чѣмъ никакихъ. Но обманъ, хотя бы и задрапированный пышными одеждами величія, есть все-таки обманъ и въ самомъ себѣ носитъ сѣмена разрушенія. И когда разсѣется этотъ обманъ и сердце будетъ искать новыхъ теоретическихъ основъ для своей самоотверженной любви, то можетъ быть презираемыя гордыми людьми основныя христіанскія истины окажутся единственно крѣпкими основами истинной нравственности. Имъ указанъ истинный источникъ истинной жизни—Христосъ и Евангеліе. Неудовлетворившись этой поддѣлкой христіанства, какую предлагаетъ Л. Толстой, но заинтересовавшись доселѣ презираемымъ ими Христовымъ ученіемъ, они обратятся къ изученію Евангелія и прекрасно поймутъ всю грандіозность этой поддѣлки. Дѣятельная же любовь и самоотверженное служеніе людямъ есть лучшая школа для выработки религіозныхъ убѣжденій и лучшая почва для усвоенія Христовой истины. Незамѣтно сердце покорится Христовой истинѣ, и бывшій толстовецъ сдѣлается христіаниномъ.

Таково по нашему мнѣнію значеніе нравственной философіи Л. Толстого въ ея положительной части. Сама въ себѣ носящая причины своего неуспѣха и недолговѣчности, она косвеннымъ образомъ приноситъ услугу христіанству и способствуетъ его торжеству. Она обра-

щаетъ общественную мысль ко Христу, какъ творцу истинной морали, и своею грандіозною нелѣпостію заставляетъ подойти ближе къ изученію того источника, изъ котораго только мы и знаемъ ученіе Христа, и провѣрить то, что за таковое предлагается Л. Толстымъ. Въ исторіи этики — ученіе Л. Толстого есть плодъ великаго недоразумѣнія, которое хочетъ построить истинную мораль любви внѣ началъ христіанскаго теизма и которое роковымъ образомъ приводитъ къ неудачѣ. Оно будетъ сдано въ архивъ какъ новая неудачная попытка безрелигіозной морали. Въ исторіи нравственныхъ настроеній современнаго общества ученіе Л. Толстого есть несомнѣнно подъемъ нравственнаго сознанія, которое въ лицѣ Л. Толстого возвысилось надъ меркантильною и безрелигіозною моралью послѣдняго времени и пошло навстрѣчу христіанству. Но отставъ отъ одного берега, Л. Толстой не присталъ къ другому или вѣрнѣе—занеся ногу, чтобы перешагнуть пропасть, лежащую между безрелигіозною моралью послѣдняго времени и истиннымъ христіанствомъ, онъ одной ногой такъ и остался на прежнемъ берегу. Такъ всегда бываетъ въ переходныя эпохи, когда общественное сознаніе, извѣрившись въ прежніе идеалы и идя навстрѣчу новымъ, вслѣдствіе долгаго господства старыхъ никакъ не можетъ сразу отъ нихъ отрѣшиться и долго незамѣтно для себя носитъ ихъ

ѣды. Образуется смѣсь старыхъ и новыхъ
деаловъ, старыхъ воззрѣній и новыхъ взгля-
въ, какъ переходная ступень къ царству новаго
деала. Такъ необходимо смотрѣть и на ученіе
Толстого и его общественное значеніе. Въ ли-
ѣ его, талантливѣйшаго представителя XIX-го
ка, девятнадцатый вѣкъ, отходя въ область ис-
ріи, подводитъ итоги своей нравственной рабо-
, дѣлаетъ попытку самосознанія. Извѣрившись
прежніе идеалы, онъ пытается оставить въ
слѣдіе своему преемнику мораль, построенную
новыхъ идеалахъ, къ признанію которыхъ
о привело исканіе нравственной правды, за-
тно обнаружившееся въ нашемъ обществѣ въ
слѣднее время вмѣстѣ съ оживленіемъ долго
езираемыхъ религіозныхъ и метафизическихъ
нтересовъ. Въ лицѣ Л. Толстого девятнадца-
ій вѣкъ преклоняется предъ величіемъ Хри-
овой морали, но, не будучи еще въ состояніи
рѣшиться отъ предразсудковъ и предубѣжде-
й, глубоко привитыхъ путаницей мысли, ца-
вшей въ лицѣ отрицательныхъ ученій едва
режитой эпохи, онъ подъ видомъ христіан-
ой морали оставляетъ въ наслѣдіе наступаю-
ему столѣтію смѣсь прежнихъ и новыхъ иде-
овъ, смѣсь, полную парадоксовъ и противо-
чій, смѣсь, сшитую наскоро нитками, смѣсь,—
торой суждено очень краткое существованіе.
о она важна, какъ симптомъ той нравственной
боты, какая происходитъ въ современномъ

человѣчествѣ, и какъ показатель того нап
вленія, въ которомъ она совершается. Въ эт
лежитъ великое общественное значеніе вс
нравственной проповѣди Л. Толстого, и его м
раль мы вполнѣ справедливо можетъ назва
моралью „fin de siècle".

Наступающему двадцатому вѣку теперь пре
стоитъ задача величайшей важности. Источни
истинной морали сознанъ. Пусть же онъ не з
бываетъ его, но, очистившись отъ принятых
по наслѣдству „научныхъ" предубѣжденій, б
детъ вѣкомъ не „пара или электричества", а в
комъ изученія и проповѣди истинно-христіа
скихъ идеаловъ во всей ихъ безпримѣсной чис
тѣ и неподражаемомъ величіи. Да раздастся же
неумолкаемо да звучитъ эта живая проповѣд
„глаголовъ жизни вѣчной", столь необходима
всѣмъ—и вѣрующимъ, и невѣрующимъ, и к
леблющимся, и ищущимъ!

Въ заключеніе, не могу не высказать своим
слушателямъ пожеланія, которое нашло тако
прекрасное выраженіе въ словахъ одного совре
меннаго высокопоставленнаго поэта, которы
говоритъ о св. Евангеліи:

Пусть эта книга священная
Спутница вамъ неизмѣнная
Будетъ вездѣ и всегда!

Пусть эта книга спасенія
Вамъ подастъ утѣшеніе
Въ годы борьбы и труда.

Эти глаголы чудесные,
Какъ отголоски небесные
Въ грустной юдоли земной,

Пусть въ ваше сердце вливаются,
И небеса сочетаются
Съ чистою вашей душой! *)

---

*) Стихотвореніе К. Р. «Надпись въ Евангеліе».

Цѣна 40 к. съ перес. 55 к.

Продается въ книжныхъ магазинахъ: **Думнова. Карбасникова. „Новаго Времени“ и др.** Выписывающіе адресуются: Въ Москву. въ редакцію духовнаго журнала „*Пастырскій Собесѣдникъ*“.

Date Due

891.73 T654ZP 580994

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Uchenie L.N. Tolstogo o smyslie
891.73 T654ZP
D90355364Z